

ВОСТОЧНО ЕВРОПЕЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.85

#9(85), 2022 часть 1

Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.

Периодичность: 12 номеров в год.

Формат - A4, цветная печать

Все статьи рецензируются

Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#9(85), 2022 part 1

Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal
Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

Давид Ковалик (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Питер Кларквуд (Университетский колледж Лондона)

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

Александр Клиmek (Польская академия наук)

Александр Роговский (Ягеллонский университет)

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

Бартош Мазуркевич (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

Миколай Жуковский (Варшавский университет)

Матеуш Маршалек (Ягеллонский университет)

Шимон Матысяк (Польская академия наук)

Михал Невядомский (Институт международных отношений)

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

Dawid Kowalik (Kracow University of Technology named Tadeusz Kościuszko)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dziedzic (Polish Academy of Sciences)

Alexander Klimek (Polish Academy of Sciences)

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko Cracow University of Technology)

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

Szymon Matysiak (Polish Academy of Sciences)

Michał Niewiadomski (Institute of International Relations)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Денисенко Ю.В. НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ МУЗЫКИ XX ВЕКА.....	4
---	---

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кдырбаева А.А., Рябова Е.В. УПРАВЛЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ МОДУЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ	8
---	---

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Степкин Ю.П. ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ «ФЕНОМЕНА АВТОРИТЕТА ЛИЧНОСТИ»	13
--	----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Александрова Л.А., Смирнов С.А. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ.....	26
Великая О.С. ЭВОЛЮЦИЯ УСЛОВНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ В ПРАВЕ ФИНЛЯНДИИ (1889 – 2015 ГГ.).....	30
Вилисова И.Б. ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ СОГЛАСНО УК РФ	35
Zadnipriana-Korinna M.Y., RESOLUTION OF DISPUTES IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY.....	38
Исаков И.Н. РАЗНОУРОВНЕВОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ГИБКАЯ И ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	43

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

NEW DIRECTIONS IN THE DEVELOPMENT OF MUSIC OF THE XX CENTURY

Denisenko Y.V.

*Cand. of Sciences (Pedagogy), senior lecturer,
Altai State Institute of Culture*

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ МУЗЫКИ XX ВЕКА

Денисенко Юлия Васильевна

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры музыкознания и фортепиано

Алтайский государственный институт культуры

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.85.310](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.85.310)

Summary: The main directions in the development of music of the XX century are considered. Their interaction with each other within the same musical epoch is revealed. New technical achievements of the epoch and their connection with musical culture are presented. The new content of music and its connection with previous eras are presented.

Аннотация: Рассмотрены основные направления в развитии музыки XX века. Раскрыто их взаимодействие друг с другом внутри одной музыкальной эпохи. Представлены новые технические достижения эпохи и их связь с музыкальной культурой. Представлено новое содержание музыки и его связь с предыдущими эпохами.

Key words: musical culture, musical language, art, creativity of composers, direction in music, style features.

Ключевые слова: музыкальная культура, музыкальный язык, искусство, творчество композиторов, направление в музыке, черты стиля.

XX век – это время кардинальных перемен, революций, которые открыли новую эру в жизни человечества. Это было время и тяжелых испытаний – двух мировых войн, выпавших на долю людей. Это время изменений в научной картине мира, вызвавших появление иных принципов и форм мышления. Не случайно XX век называют эпохой научно-технической революции, прогресс которой оказал влияние на все области социальной жизни.

Но XX век – это и взлет культуры и искусства, в том числе и музыкального, приведший к великим художественным достижениям, расцвету многих национальных школ, формированию советской музыкальной культуры, а в послевоенное время и музыкальной культуры других стран. Эта эпоха острого художественных противоречий, сложного переплетения тенденций в поиске новейших средств музыкального языка, новой содержательности, новой выразительности.

Зарубежная музыкальная культура XX века представляет собой очень сложный и неоднородный процесс, который привел, с одной стороны, к значительным художественным результатам, созданию непреходящих ценностей, отразивших становление и развитие новой культуры века, острые социальные процессы. С другой – это процесс выявил и некоторые тенденции отхода от связей с прежними культурными традициями, сложившимися на протяжении столетий.

Перед композиторами уже в начале века встали сложные задачи, связанные с воплощением нового содержания, с необходимостью отразить

динамику эпохи, найти формы выражения в большей степени, чем традиционные, отвечающие логике исторического развития.

Гуманистические устремления прошлых эпох сохранялись в демократическом искусстве, способствуя участию искусства в революционном преобразовании мира, его этической миссии. Творчество многих композиторов формировалось в условиях кризиса, нестабильности социальной жизни, что оказало заметное воздействие на их мировоззрение и творчество. На протяжении XX века в обществе наблюдалась противоречивая картина художественной жизни, в которой можно определить две основные тенденции: первая, гуманистическая, демократическая, связанная с развитием передовых, прогрессивных тенденций, вторая – консолидирующая антигуманистическое начало, она основана на традициях индивидуализма, элитарности. Гуманистическая, демократическая тенденция связана с тяготением к реалистическому направлению, народности, поиску адекватного жизненным реалиям выражения. Здесь на первый план выступает содержательный момент, яркость художественного образа, новые выразительные средства, новые формы претворения фольклора.

Вторая тенденция не всегда позволяла использовать прежние известные слушателям формы и заставляла композиторов конструировать порой собственные способы построения целого, сложные и в известной мере умозрительные, требующие специфической расшифровки содержания сочинения слухом. Истинная основа сочинения при этом оказывалась скрытой в глубине

текста, а связь его поверхностного слоя с другими его содержательными слоями сознательно была нарушена или носила парадоксальный характер.

Именно такой подход вызван был стремлением наиболее выразительно и ярко передать болезненные состояния сознания, иллюзии, отрицательные аффекты и т.п. при анализе произведения и его восприятию необходимо разграничивать мировоззренческие моменты, связанные со сферой отражения и способом отражения жизненного материала, и технологические моменты, связанные со всей системой конкретных выразительных средств и решений. Несмотря на новизну поиска многих композиторов, музыкальное искусство XX века тесно связано своими корнями с предшествующей эпохой: классическим искусством, творчеством романтиков, импрессионизмом, возникшим как реакция на каноны романтического мышления, в стремлении расширить сферу жизненных впечатлений, настроений, тонких чувств и мыслей, отражаемых музыкой.

Одним из великих композиторов, развивавшим гуманистическое направление в искусстве, в творчестве которого сочетались реалистические и позднеромантические черты, был венский композитор Густав Малер. В его творчестве поднимались острые, трагические проблемы жизни и смерти, дисгармонии человека и окружающей действительности. В то же время пафосом его творчества был призыв к всеобщему братству, единению людей, к светлому будущему, что и предопределяло реалистическую направленность черт его стиля.

Малеровский принцип построения симфонического цикла оказал сильное влияние на композиторов XX века, в том числе на Д. Шостаковича и Б. Бриттена. С другой стороны, повышенная острота выражения конфликтного начала, динамическая контрастность и насыщенность музыкального языка нашли свое развитие в экспрессионистском направлении композиторов новой венской школы – А. Шёнберга, А. Берга, А. Веберна.

Реалистические черты стиля находят яркое воплощение в творчестве композиторов, являющихся яркими представителями национальных школ, опирающихся на пласты народного искусства (Я. Сибелиус, Б. Барток, З. Кодай, К. Шимановский, Л. Яначек и др.). Эти черты у них сливаются с элементами других стилей, образуя сложный и неоднозначный сплав, но реалистический слой во многом определяет при этом идейно-художественную значимость их произведений.

В XX веке продолжал развиваться романтизм. Но он менял свои формы и содержание. Его наиболее сильной стороной являлось сопротивление антигуманистическим тенденциям. Постмодернизм XX века во многом стал смыкаться и с импрессионизмом и с экспрессионизмом. Однако романтические тенденции характерные для

20-30-х годов во многом помогали противостоять модернистическим тенденциям, стремящимся деформировать содержание музыкального искусства. В отдельные периоды своего творчества такие зарубежные композиторы как, П. Хиндемит, Б. Барток, Б. Бриттен и советские композиторы С. Прокофьев и Д. Шостакович способствовали обогащению своих произведений высоким эмоциональным тонусом.

Одним из тех направлений, который зародился в конце XIX века и получил развитие в первой половине XX века, был импрессионизм. Он возник первоначально во Франции как реакция на академизированное искусство и претендовал в отличие от романтизма на передачу «объективной правды состояний» человека. В музыке это направление развилось в 80-90-х годах прошлого века как антитеза вагнеровской музыке. Во Франции импрессионизм был также во многом связан и с возрождением национальных традиций, в том числе и искусства клавесинистов с их стремлением к жанровым зарисовкам.

Основным в импрессионизме, в переводе с фр. – впечатление, стала задача передать непосредственное впечатление, отразить тонкие психологические состояния, оттенки субъективных ощущений, вызванных созерцанием внешнего мира. Основателем этого направления в музыке стал Клод Дебюсси, который утверждал, что именно красота природы способна возбудить художественную фантазию композитора. Потребность передать в звуках состояние природы, ее образы вызывает новые краски, выразительные средства, лишённые академических штампов, стертых смыслов.

Кроме природы, импрессионисты вдохновлялись античной мифологией, сказочностью, фантастическими образами, средневековыми легендами, экзотикой Востока. Именно с этой стороной импрессионизма смыкались и поиски яркого национального языка у М. де Фальи, К. Шимановского, Дж. Энеску, О. Респиги, М. Равеля и О. Мессиана.

В основе импрессионизма лежит не развернутый динамический процесс, а как бы пространственно-временной срез мгновения, момент, выхваченный из динамического ряда статики, развернутый в особом, художественном пространстве выражения.

Художественной задачей композиторов импрессионистов была не только потребность нахождения богатейшей палитры выразительных средств и решений, но и необходимой формы целого. Импрессионистская программность отличается от программной музыки романтизма своей специфической размытой сюжетностью, где драматическая сторона как бы снята. Образы программы зыбки и завуалированы, полны намеков, символики, художественных ассоциаций.

В первой половине XX века импрессионизм дал толчок развитию неомимпрессионизма, представленного главным образом композиторами

французской школы, в первую очередь О. Мессианом, создавшим такие произведения, как «Каталог птиц», «Экзотические птицы», тяготеющего к выражению идеального, вневременного, парящего в пространстве. В первых десятилетиях XX века появился экспрессионизм – стиль во многом контрастный и по содержанию и по средствам выразительности импрессионизму.

Экспрессионизм развился в Австрии и Германии, а затем получил широкое распространение в других странах. Как и импрессионизм, экспрессионизм возник первоначально не в музыке, а в живописи и литературе. По своему содержанию это был своеобразный художественный протест против подавления человека буржуазным обществом, против разгула милитаризма, мещанства. Художники-экспрессионисты, в первую очередь один из создателей этого направления А. Шёнберг, пытались ярко и правдиво отразить сложнейшие социально-этические, идейно-эстетические и психологические конфликты эпохи, остроту противоречивого мышления художника в буржуазном обществе. Основной задачей для них была передача своего субъективного состояния и отношения к действительности.

Композиторы данного направления пытались передать с предельной экспрессией внутренний мир человека, динамику его психических процессов и состояний, противопоставляя его духовный мир внешней действительности, привело к субъективизму. Экспрессионизм значительно деформирует объективное содержание связей искусства с действительностью, проповедует субъективистскую теорию творческой свободы. Все это во многом предопределило определенный разрыв между композитором и слушателем.

Вместе с тем нельзя отрицать и того, что экспрессионизм впервые затронул и художественно выразил огромную область эмоционально-психологических состояний и размышлений человека, связанную с аффективной, перевозбужденной стороной психики, настроениями отчаяния и бессилия. Социальный страх, испуг перед реальностью с большой художественной силой воплощены в сочинении А. Шёнберга «Лунный Пьеро», где состояния аффекта доведены до кульминации, крика, до грани владения собой.

Вместе с тем экспрессионизм выступал против созерцательности, пассивности, ухода самого искусства от действительности в нереальный мир грез или любования природой. Для выражения острых, отрицательных аффектов в музыке были использованы следующие особенности – крики, стоны, резкие перепады звучности, широкие скачки голосов. В музыке стала преобладать разорванность, изломанность мелодической линии, остродиссонантные созвучия, использование жестких, конкретных, производственных звучаний, употребление человеческого голоса в качестве инструмента. Так, А. Шёнберг в «Лунном Пьеро»

впервые ввел тонированное пение – декламацию, выражающую взволнованную речь, эмоциональную взрывчатость, а также натуралистические выкрики.

Интуитивная свобода эмоционального потока самовыражения не давала, однако, возможности построить строгое и упорядоченное целое. Форма оставалась расплывчатой и статичной, композиторы вынуждены были либо опираться на не очень развитые формы, главным образом использующие вариационный принцип, либо искать новые выразительные решения.

Например, композитор А. Шёнберг, строил мелодическое движение в своих сочинениях не по законам классической мелодики, не укладывался в ее рамки. Он выдвинул тезис о сковывающей роли тональности, об основной первичной форме, где звуки при построении мелодии не повторяются и используется весь набор звуков, имеющихся в хроматической гамме, а их – двенадцать.

Так он пришел к мысли об определенном принципе логического построения, так называемой «серии», использовать каждый раз все двенадцать звуков любой последовательности, но без повторения звука, пока не прозвучат все остальные. Этот подход получил название «додекафония», что означает двенадцатизвучие. Введение двенадцатитоновой системы было вызвано стремлением упорядочить музыкальное выражение, придать жесткую нормативность процессу сочинения, конструктивную рационалистичность мышлению композитора.

Дальнейшего взлета экспрессионизм достиг в творчестве А. Берга, опера «Воцек» и Скрипичном концерте. Для Берга характерны отказ от полного следования додекафонии, продолжение многих принципов художественного мышления и выражения, свойственных симфонизму XX века. В своем творчестве Берг достигает высокого начала эмоционального и интеллектуального напряжения, выражения аффектированных состояний человека, что приводит к удивительной выпуклости и образной конкретности смыслов. В систему выразительных средств он частично применяет неоклассические тенденции – использование некоторых принципов старинных музыкальных форм и жанров, а также элементы некоторых других стилей, это тенденция, которая широко будет представлена в творчестве композиторов послевоенного времени, называемая полистилистикой.

Реакция на поздний романтизм, романтическое мирозерцание вообще привела, кроме экспрессионизма к другому, во многом противоположному течению – неоклассицизму как попытке по-новому использовать художественный опыт прошлого. Сама тенденция обращения к прошлым пластам музыкального материала и неосвоенным ценностям искусства других народов была во многом связана со стремлением опереться на объективные художественные ценности, уйти от умозрительных построений. Отчасти этой

тенденцией можно объяснить использование Д. Мийо – бразильской музыки, а О. Мессианом – индийской и т.д.

Неоклассические тенденции проявлялись и в особом приеме, получившем широкое распространение в XX веке у многих композиторов – прямое цитирование музыкального материала прошлых эпох в качестве определенных музыкальных комплексов, связанных с историей, культурой, тем или иным стилем, образностью. Одним из первых к этому обратился еще Г. Малер в связи с попыткой синтезировать музыкальные смыслы в рамках глобальных философских концепций.

При восприятии сочинения неоклассического направления слушатель всегда без особого затруднения может определить на слух, например ту эпоху к которой относится исходный материал. Но при этом всегда остается и особо значимо само отношение композитора к взятой музыке, та основная задача, современная концепция, которую он воплощает. Композитор при этом переоценивает прошлое наследие, вводит новые средства, которые получают оттенок шутки, игры, сатиры, гротеска.

В середине XX века на Западе усилились различные модернистские течения, во многом разрывающие с эстетическими нормами и традициями классического искусства. Поиски новых средств выражения и форм приобретают самодавящее значение, ими начинают заниматься не только композиторы, но и специалисты работающие со звукозаписывающей техникой.

Следующее течение авангардистское, в котором особенно остро проявились элитарные тенденции, отрыв от задач искусства в обществе, неспособность композиторов создать общественно значимые концепции, яркое, воздействующее на массы искусство. Среди композиторов примыкавших к авангардизму можно отнести П. Булеза, Л. Ноно, К. Штокхаузена, Л. Берио, Дж. Кейджа и других. Для многих авангардистов характерно ложное представление о том, что они могут выразить новое содержание только с помощью неизвестных выразительных средств, а также они стремились к сенсационности, шли на эксперименты, которые приводили к разрушению эстетических основ искусства.

Одним из наиболее ярких в этом отношении направлений стала так называемая конкретная музыка, которая отошла от применения музыкальных звуков как сложившейся системы и заменила их акустическими эффектами, шумами, проявлениями жизни. Наиболее известным сочинением этого направления стала «Симфония для одного человека», смонтированная П. Шеффером и П. Анри, в которой использованы не только шумы природы и города, но и трансформированные звуки человеческого голоса и музыкальных инструментов.

Конкретная музыка была задумана как возможность звукового многообразия, расширения сферы звучания, что свойственно вообще современной музыке, но она на самом деле привела к сужению границ выражения композитора, лишила его возможностей создания значимой, художественной концепции. Конкретная музыка стала первым направлением в творчестве композиторов, которое попыталось освободиться и от инструмента и от исполнителя. Нужна была лишь электронная аппаратура. Для этого создаются синтезаторы звука, которые давали возможность появлению разнообразных звучаний, в том числе и приближенных к звучанию человеческого голоса различных музыкальных инструментов, их транспонирования в различные диапазоны и тембры.

Появление конкретной и электронной музыки было связано не только с художественными, но и социальными причинами. Это смыкалось и с тенденциями массовой культуры.

Таким образом, преобразования, произошедшие в музыке XX века, принесли значительные изменения в сфере музыкального языка, расширилась зона считавшихся прежде немusicalных звуков и шумов, включаемых в музыкальную ткань, были найдены новые интересные формобразования. Именно в этом виден положительный итог творческого экспериментирования композиторов, который обеспечивает новое поле для синтеза полученного, и для дальнейших новых поисков.

Список литературы:

1. Акопян, Л. О. Музыка XX века. Энциклопедический словарь / Л. О. Акопян. – Москва : Практика, 2010. – 855 с.
2. Арановский, М. Г. Симфонические искания / М. Г. Арановский. – Ленинград : Советский композитор, 1979. – 287 с.
3. XX век в музыке как эпоха стилевого плюрализма / Е.Е. Грушина // Педагогика искусства. - №2. – 2014. – С. 44-45.
4. История отечественной музыки второй половины XX века : учебник / отв. ред. Т.Н. Левая. – Санкт-Петербург : Композитор, 2010. – 556 с.
5. Камерно-инструментальная музыка на современном этапе развития / Е.Е. Грушина // Новый взгляд. Международный научный вестник. – 315. – 2014. – С. 54-62.
6. Музыка XX века в современном образовательном процессе / Н.П. Нечаева // Ярославский педагогический вестник. - №1(54). – 2008. – С. 99-102.
7. О неофольклорном направлении в русской музыке второй половины XX века / Н.Ю. Жоссан // Вестник башкирского университета. - № 1. – Т.18. – 2013. – С. 105-108.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.147

УПРАВЛЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ МОДУЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Кдырбаева А.А.,

*кандидат физико-математических наук, профессор КазНПУ им.Абая,
Алматы, Казахстан*

Рябова Е.В.,

*Магистр педагогики, старший преподаватель КазНПУ им.Абая,
Алматы, Казахстан*

MANAGEMENT OF INDEPENDENT STUDENTS' ACTIVITY IN CONDITIONS OF MODULAR LEARNING

Kdyrbaeva A.A.,

*Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
professor of Abay Kazakh National Pedagogical University, A
lmaty, Kazakhstan*

Ryabova E.V.,

*Master of Pedagogy,
Senior lecturer of Abai Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос организации самостоятельной деятельности студентов педагогического вуза как на занятии, так и во внеаудиторное время. Приводятся примеры организации работы со студентами, где особая роль отводится коллективным и групповым формам взаимодействия.

Abstract. The article deals with the issue of organizing independent activities of students of a pedagogical university both in the classroom and during extracurricular time. Examples of the organization of work with students are given, where a special role is given to collective and group forms of interaction.

Ключевые слова: подготовка специалистов, стратегии обучения, самостоятельная работа студентов.

Keywords: specialist training, teaching strategies, students' independent work.

Введение.

На систему образования возлагается задача подготовить специалистов, способных работать с большим объемом информации, умеющих учиться на протяжении всей жизни, работать индивидуально и в группах, готовых изменять траекторию своей деятельности в зависимости от условий окружающей действительности.

Изменение требований к системе образования предполагает изменение подходов к организации деятельности обучающихся и управлению ею. Сегодня студент, готовящийся к будущей профессиональной деятельности должен быть гибким и мобильным, оперативно отзываться на постоянные изменения в научно-практической и исследовательской деятельности. Современная действительность ставит перед всеми, в том числе и будущими педагогами, новые проблемы и задачи, а которые необходимо быстро реагировать, а для этого нужно уметь творчески мыслить, принимать новый опыт, находить нестандартные решения. Всему этому способствует активизация творческой составляющей личности, развитие способности к самостоятельной работе с учебной литературой.

Таким образом, разрабатываемая проблема является весьма актуальной.

Анализ публикаций по теме исследования.

Анализ и изучение методологических и теоретических положений, раскрывающих суть процесса управления самостоятельной работой обучающихся, отраженных в публикациях педагогов, психологов и методистов ближнего и дальнего зарубежья. Так, например, в трудах Сластенина В.А. [1], Асаналиева М.К. [2], Чошанова М. [3], Хайруллина Г.Т. [4], Полат Е.С.[5], Беспалько В.П.[6], Бабанского Ю.К.[7], Кузьминой Н.В.[8] обобщены закономерности и принципы процесса организации и управления самостоятельной деятельностью студентов, а также его компоненты. На основе этого знания мы внесли изменения в процесс обучения студентов дисциплинам естественно – математического цикла в части определения содержания самостоятельной работы.

Методологическая база исследования.

Рассмотрению поставленной проблемы в нашем исследовании способствовало применение теоретического анализа источников, организация

целенаправленного наблюдения, практическая работа, моделирование.

Теоретико– методологической основой данного исследования явились положения Ю.К. Бабанского об оптимизации процесса обучения, В.П. Беспалько, Н.В. Кузьминой о системной профессиональной подготовке будущих педагогов, опираясь на которые мы остановились на интегративно-деятельностном и практико-ориентированном подходах. Использование данных подходов в нашем исследовании позволило рассмотреть проблему управления самостоятельной работой студентов в условиях модульного обучения как процесс, которому характерна целостность, определенная структура, в которой все компоненты взаимосвязаны. В данном процессе обучающиеся участвовали в специально организованной учебно-познавательной и практической деятельности, которая была связана с изучением курсов «Основы обновленного математического образования младших школьников», «Основы обновленного естественно-научного образования младших школьников», «Художественный труд». В ходе изучения дисциплин студенты были постоянно включены в практическую деятельность, тем самым авторами был реализован практико-ориентированный подход - участие в играх, решение практических заданий, разбор кейсовых ситуаций, веб-квестах.

Результаты исследования. Процесс организации и управления самостоятельной работой с модульной технологией обучения в институте педагогики и психологии КазНПУ им. Абая дает возможность включать будущих педагогов в течение всего периода обучения в психолого–педагогическую деятельность. «Самостоятельная работа предполагает максимальную познавательную активность студента, развитие интеллектуальных, творческих, креативных, коммуникативных способностей личности. Именно в самостоятельной работе могут проявляться внутренняя мотивация студента, способность и готовность к поисковой, исследовательской деятельности, анализу и синтезу научного материала, целенаправленность, самостоятельность, самоорганизованность» [9]. Также в процессе самостоятельной работы отшлифовываются навыки работы с информацией. Для самостоятельной работы студентам предлагается объемный текстовый материал, а именно публикации ученых, методистов, педагогов по изучаемой теме модуля. Студентам предлагаются следующие виды работ с данными текстами:

1. Чтение и деление на смысловые отрывки, выделение ключевых слов.
2. Формулирование вопросов к каждому смысловому отрывку.
3. Составление кластеров или схем, показывающих зависимость или взаимосвязанность компонентов материала.

Работа со студентами организуется в сотрудничестве по работе с текстовыми материалами, которые продолжают объяснение теоретического материала или дополняют его. Для этого используем различные стратегии. В статье «Формирование профессиональных качеств будущих учителей начальных классов через работу с текстовым материалом» нами были приведены примеры некоторых стратегий, которые показали свою эффективность [10]. Здесь мы хотим познакомить вас с другими упражнениями, которые используем в работе с текстами на семинарских занятиях со студентами.

Стратегия «Междусобойчик» направлена на то, чтобы студенты не только работали с текстом, участвовали в дискуссии, но и формировали умения коммуникации. Группа студентов разбивается на микрогруппы, изучает текст, довольно большой по объему, готовит вопросы для дискуссии. При этом каждый член группы должен иметь свой вариант выполненного задания. На следующем этапе работы каждый из участников микрогруппы выбирает себе партнера внутри данной микрогруппы, продолжается поиск общего решения, которое должно выражать общее мнение двух участников. После этого в четверках пары меняются и работа продолжается в том же направлении. Таким образом, использование данной стратегии дает возможность каждому участнику группы выслушать чужое мнение, предложить свое понимание проблемы, поучиться отстаивать найденное решение.

Часто в своей практике используем стратегию «Почтовый ящик». Студентам предлагается составлять вопросы разного характера: аналитические, оценочные, творческие. Поэтому, выполняя работу с текстом, учащимся необходимо не просто составить вопрос по тексту, а составить ряд вопросов разного характера. Вопросы студенты адресуют кому-то конкретно в группе, или нескольким однокурсникам. Все составленные вопросы складываются в ящик. Преподаватель вытягивает вопрос и передает его тому студенту, которому он адресован. Получивший такое «письмо» должен ответить на него. При этом работа может проходить как в устной, так и письменной форме. В конце занятия обязательно проходит беседа со студентами в формате ответов на вопросы вида: какие задания вызвали затруднения и почему? На какие вопросы смогли ответить сразу? Что помогло вам ответить на вопросы? Какие ответы понравились? Почему?

Очень похоже по проведению с описанной стратегией упражнение «Дерево мудрости». Но все вопросы прикрепляются на доску, на которой изображено дерево. По очереди студенты подходят к доске, «срывают» записку и как можно более полно отвечают на вопрос вслух. Остальные внимательно слушают и оценивают и вопрос, и ответ. Но, конечно же, перед тем, как отвечать на вопросы, студенты прочитывают текст, составляют

вопросы, повторно читают текст, чтобы сначала самим оценить качество своих вопросов.

Такая работа с текстом побуждает студентов составлять вопросы открытого характера, аналитические, оценочные вопросы, вопросы-реконструкции, вопросы-интерпретации. Это, в свою очередь, побуждает серьезно относиться к словам текста, к поиску взаимосвязей компонентов текста, вчитыванию в текст.

Часто, работая с текстами, опираемся на стили обучения. В начале учебного года проводим небольшое тестирование студентов, чтобы определить к какому стилю обучения они относятся. Было установлено, что большая часть студентов – это люди конкретно-последовательного стиля учения. Этому стилю присуща аккуратность, повышенное внимание к деталям, целенаправленное практическое мышление. Студенты конкретно-разбро-

сского обучения умеют работать как самостоятельно, так и в малых группах, любят экспериментировать. Стиль обучения абстрактно-разброшенный можно охарактеризовать такими словами, как развитые эмоции, воображение, гибкость мышления. Абстрактно-последовательный стиль обучения говорит нам о том, что студент обладает способностью декодировать устные и письменные символы, абстрагировать и обобщать [9].

Нельзя сказать, что какой-то стиль лучше или хуже другого. При правильном построении процесса обучения все студенты усваивают материал. Поэтому, работая с текстами, предлагаем студентам задания, соответствующие их стилю обучения. Примерные задания по предмету «Методика преподавания обновленного содержания дисциплины Естествознание» приводим в таблице 1.

Таблица 1.

Конкретно-последовательный стиль	Конкретно-разброшенный стиль	Абстрактно-последовательный стиль	Абстрактно-разброшенный стиль
1. Изученный материал преобразовать в таблицу.	1. Составить вопросы по изучаемому материалу так, чтобы ответы на них показали, что студент знает, понимает, умеет применять изученный материал.	1. Проанализировать источники по изучаемой теме и представить аннотации к ним.	1. Студенту предлагается несколько тем. Готовится выступление по выбранной теме.
2. Провести анализ КСП урока, обратив внимание на использование ИКТ технологий	2. Внести дополнения в предложенный материал.	2. Составить список терминов, понятий по теме, дать их определение.	2. Педагог предлагает ряд вопросов по теме. Студенты выбирают вопрос, готовят на него ответ, а затем в паре озвучивают его.
3. Упражнение «Публичное интервью», составление вопросов по теме, на которые студент сам должен будет ответить.	3. Реализовать проект по теме или выполнить творческое задание.	3. Презентовать открытия и идеи ученого, который внес вклад в развитие изучаемой дисциплины.	3. Подготовить вопросы к дискуссии и организовать ее.

Данные задания даются конкретным студентам, в соответствии с их стилем обучения. Это способствует тому, что студенты серьезно подходят к проработке текстового материала, углубляются в изучение темы, что, в свою очередь, формирует информационную и коммуникационную компетентность, уменьшает сопротивление в процессе обучения, придает сил и уверенности обучающимся.

В последнее время в нашу практику вошли квантованные тексты с заданиями в тестовой форме. Квантованный текст легче запоминается большей частью студентов. Такие тексты характеризуются точностью информации, отсутствием в нем тех частей, без которых

возможно обойтись на этапе знакомства с темой. Тексты построены из предложений в простой форме, содержат доступную лексику [11]. Также работаем со студентами на составление вопросов по таксономии Блума, т.е. вопросов на знание, понимание, применение и т.д.

Для оценки уровня и качества освоения студентами учебного материала мы использовали рубрики, обусловленные целью обучения; критерии, представляющие собой виды деятельности, подлежащие освоению; дескрипторы, описывающие уровни достижения студента по каждому критерию, которые показаны в таблице 2:

Таблица 2.

Пример оценочной рубрики для оценивания выполнения учащимися заданий с текстовыми источниками

Критерии	Дескрипторы	Уровень достижения
Определение авторства источника	Учащийся не определяет авторство источника	0 баллов
	Учащийся определяет авторство источника, место, время и цель создания	1 балл
Понимание смысла источника	Учащийся определяет авторство источника, место, время и цель создания, его краткое содержание	3 балла
		4 балла
Понимание смысла источника	Учащийся понимает отдельные положения источника,	1 балл
	Понимает как отдельные положения, так и общий контекст	2 балла
Применение контекстных заданий	Учащийся демонстрирует недостаточный уровень знания текста	1 балл
	Учащийся правильно указывает контекстные знания при анализе содержания текста	2 балла
	Максимальный балл	10 баллов

Использование рубрик дает возможность студенту самостоятельно оценивать свою работу. Методом самооценки может стать заполнение в

течение занятия следующей таблицы 3, которая демонстрирует устойчивое развитие учащегося во время занятия.

Таблица 3.

Рейтинговая карта оценки по математике

Виды работ	Баллы	Примечание
1.Выполнение творческого задания по тексту из учебника	От 3 до 5 б.	При неудовлетворительном результате – минус 2 балла
2.Написание текста на заданную тему	До 10 б.	
3. Составление собственных заданий для сокурсников	1б. за каждое	При неудовлетворительном результате – минус от 2 баллов
4.Написание конспекта лекции	До 5 б.	
5.Составление схем, таблиц по заданной теме	До 5 б.	При неудовлетворительном результате – минус 1 балл
6.Представление дополнительной информации по теме	15 – 20 б.	При неудовлетворительном результате – минус от 2 баллов
Итого баллов: планируемые; полученные		

Такие рейтинговые карты оценки можно составить по любой дисциплине из учебного плана для специальности ПМНО, рассматриваемые нами указаны выше.

Дискуссия (Обсуждение результатов). Обновление содержания образования формирует идеологию обновления организации и управления самостоятельной работой студентов как одного из важных компонентов подготовки будущего профессионала, для которой требуется разработка инновационных подходов к ее проектированию. В качестве такового используется модульно – рейтинговая технология организации, в которой каждый модуль является целостным законченным этапом учебной деятельности. При работе с учебным элементом модуля студенты, изучив учебную информацию, имеют возможность выполнить систему творческих заданий, которые активизируют их деятельность и стимулирует возникновение интереса к учебе. При этом очень важным является осуществление самопроверки, которая развивает познавательную самостоятельность и позволяет повысить качество знаний студентов.

Заключение (выводы). Опыт работы с различным текстовым материалом, разработки и применения учебных материалов, содержащих не только учебный текст, но и руководство к обучению, позволяет студентам работать в индивидуальном темпе. Использование системы рейтинговых карт позволит вести учет усвоения учащимися учебных элементов модуля, следовательно, управлять их самостоятельной деятельностью. Для ее оценки можно использовать следующие дескрипторы:

- самостоятельная и творческая разработка учебного текста;
- уровень устной и письменной речи;
- уровень теоретической подготовки изучаемых дисциплин;
- стиль и качество педагогического общения;
- владение рефлексией педагогической деятельности [12].

Своевременная и качественная проверка самостоятельной работы дисциплинирует студентов, создает необходимость поиска новых информационных ресурсов, регулярного выполнения заданий, тем самым определяя

прочность знаний. При этом развивается способность будущего специалиста разрабатывать новаторские идеи и стремление применять их в своей практике в соответствии с жизненными и профессиональными ситуациями, для принятия и реализации правильного решения.

Таким образом, на этапе подготовки студентов к профессиональной деятельности в Вузе, актуализируется потребность в соответствии ожидаемому образу профессии – быть продуктивным и креативным в профессиональной компетентности, а значит, в саморегуляции и самореализации. В структуре личностных свойств будущего педагога четко выражаются умения организовывать, контролировать, анализировать и оценивать собственную деятельность в соответствии с побуждающими ее мотивами.

Считаем, что на этом этапе личность будет уметь прогнозировать результаты педагогической деятельности, иметь сформированное педагогическое сознание, мышление и определенные социально-педагогические интересы.

В целом, необходимо иметь общую модель организации самостоятельной работы студентов и управления ею, в которой важное значение имеет тесное творческое взаимодействие преподавателей со студентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слостенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика. [Текст]/ В.А. Слостенин, И.Ф.Исаев, Е.Н.Шиянов - М., 2008.
2. Асаналиев М.К. Роль активизации самостоятельной деятельности студентов в условиях современной технологии учения. - Талды-Курган, 1992.
3. Чошанов М. Гибкая технология проблемно-модульного обучения. [Текст] / М. Чошанов. - М., 1996. - 120с.
4. Хайруллин Г.Т. Инновация и инновационная деятельность в

образовании//Педагогика и Психология, 2012, №2, с.150-154. - Алматы, 2012.

5. Бабанский Ю.К. Оптимизация процесса обучения [Текст]/ Ю. К.Бабанский. - М.: Педагогика, - 2007. - 254с.

6. Беспалько В.П. Системно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса подготовки специалиста [Текст] / В.П. Беспалько, Ю.Г. Татур. - М.: Высш. шк., 1989. - 141с

7. Галагузова Ю.Н. Теория и практика системной профессиональной подготовки социальных педагогов [Текст]: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / Галагузова Юлия Николаева. - М., 2001. - 373с.

8. Ипполитова Н.В. Методология и методы научного исследования [Текст]: учеб. пособие / Н.В. Ипполитова, Н.С. Стерхова; Шадр. Гос. Пед. ин-т, Центр «Непрерыв. пед. образование». - Шадринск: Шадр. дом печати, 2011. - 208с

9. Рябова Е.В. Организация самостоятельной работы студентов в процессе профессиональной подготовки. // Начальная школа: проблемы и перспективы, ценности и инновации. Марийский государственный университет (Йошкар-Ола), 2015, № 8. С.199 -202.

10. Кдырбаева А.А., Рябова Е.В. Формирование профессиональных качеств будущих учителей начальных классов через работу с текстовым материалом // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы дошкольного и начального образования». – Казань, 2018. – С.367-372

11. Кдырбаева А.А., Рябова Е.В. Квантованные тексты как средство организации самостоятельной работы студентов. / Грани познания. 2020. №6 (71). С.97-104. - Волгоград, 2020

12.Кдырбаева А.А., Рябова Е.В., Абдыкадыров А.О. Педагогическая практика как эффективное средство профессиональной подготовки будущих учителей начальных классов. //Вестник КазНПУ им.Абая. Серия «Педагогические науки», №2(66), 2020г., с.198-205

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ «ФЕНОМЕНА АВТОРИТЕТА ЛИЧНОСТИ»

Степкин Ю.П.,

кандидат психологических наук

*«Все следует делать настолько простым,
насколько это возможно, но не проще».
Альберт Эйнштейн.*

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.85.311

Аннотация. Предлагаемая вашему вниманию работа была выполнена автором на Кафедре социальной психологии Факультета психологии Санкт-Петербургского Госуниверситета на основе его оригинальных теоретических разработок и эмпирических исследований под научным руководством профессоров А.А.Бодалева и Е.С.Кузьмина. Нас интересовала *проблема формирования «феномена авторитета личности» как социально-психологического явления.* Для ее решения мы исследовали такие его существенные аспекты, как *сущность и детерминация, психологическая природа «отношений авторитета»,* возникающих в социальной интеракции членов контактной группы, что позволило понять *эффект побудительного воздействия «феномена авторитета»* на людей в их межличностной коммуникации. А в итоге, представить «авторитет личности» как *целостный социально-психологический феномен и его регулятивную роль в Социуме (Степкин Ю.П., 1976, 2015, 2019).* Задача данной статьи - представить центральный аспект «проблемы авторитета личности» - *«Социально-психологическую концепцию ценностной природы и сущности феномена авторитета личности», которую мы разработали на основе наших теоретических и эмпирических исследований этого феномена.*

Введение в проблему. Понятие «авторитет» многозначно. Оно обозначает и *авторитетную личность* и *особое свойство*, которым обладает эта личность и благодаря которому она может оказывать *определенное влияние* на других людей. *Осуществляется это «влияние» в рамках особого «отношения авторитета», сложившегося между авторитетной личностью (субъектом авторитета) и членами социальной группы (объектами авторитета) в процессе их общения и деятельности.* Вне такого «отношения» данное свойство и воздействие *не проявляются*, и «*феномен авторитета» не может возникнуть.* Любое «свойство личности», как известно, трансформируется в то или иное «отношение» - с другими людьми или предметным миром, - в котором и через которое оно только и может проявиться и быть познано, на что указывал выдающийся теоретик психологической науки С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн С.Л., 1959). *Авторитет как свойство личности* формируется на основе ее моральных, интеллектуальных, когнитивных, профессиональных, деловых и прочих качеств, *высоко ценимых* в ее референтной и контактной группах. Для «завоевания авторитета» в них авторитетная личность должна, конечно же, исподволь совершенствовать свои личные и профессиональные качества, работать над совершенствованием своего «личностного потенциала», чтобы оказывать особое влияние на людей*/. Этот, персоналистический, аспект «проблемы авторитета личности» исследован в работах профессора Н.В. Кузьминой (Кузьмина Н.В., 1967).

Однако, термин «влияние» сам по себе нейтрален и не вносит ясности в особенности

воздействия «феномена авторитета личности» на членов социальной группы. На них «влияют» и многие другие социальные и социально-психологические феномены, как например : власть, репутация, престиж, референтность, - и каждый из них – по-своему. И чтобы избежать терминологической и феноменологической путаницы, сравним «авторитет личности» с этими «феноменами», внешне похожими на него по своему влиянию на людей, однако, существенно различающихся по своей феноменологической сути. Такая «операция разведения» позволит и более точно обозначить *феноменологическую особенность «авторитета личности» как социально-психологического феномена.* И прежде всего, с «*феноменом власти*», поскольку термин «авторитет» часто используется в смысле «власть», на что указывал отечественный исследователь данной проблемы Н.М.Кейзеров (Кейзеров Н.М., 1973). Однако, необходимо их ясно различать, ибо они соотносятся с разными социальными явлениями.

Власть, по определению известного исследователя «проблем авторитета и власти» Н.М. Кейзерова, представляет собой «волевое отношение между людьми», сущность которого «в любом обществе состоит прежде всего в том, что властная воля доминирует, главенствует, носит определяющий характер». И для «объекта власти» она связана «с установлением обязательства подчиниться, совершить те или иные действия или воздержаться от тех или иных действий» (Кейзеров Н.М., 1973). Для «отношения власти» характерна, таким образом, *однонаправленная, функциональная зависимость* между его сторонами

- от носителя власти к ее объекту. Т.е., «отношение власти» - это «отношение подчинения».

Репутация - (от латинск. - *reputatio* - обдумывание, размышление) - «сложившееся общее мнение о достоинствах и недостатках кого-чего -нибудь» (Ожегов С.И., ред., 1960, с. 669). Т.е., **Репутация** - это мнение о человеке, когнитивная реакция на его достоинства и недостатки в его социальном окружении, о которой он может и не знать, разновидность «внешнего психологического давления», которое он может проигнорировать, и не более того. **Престиж** (от франц. *Prestige* - обаяние, очарование) рассматривается в терминах «привлекательности в общественном сознании тех или иных объектов или явлений социальной действительности на основе соотношения их с системой норм и ценностей, принятой в данной социальной общности» (Гвишиани Д.М., ред., 1989, с.245). И именно эта привлекательность, бытующая в общественном мнении и вызывающая нашу эмоциональную реакцию, и влияет на нас в «феномене престижа». А если обобщать, то **Престиж и Репутация** – феномены общественного мнения, в «лице» которых мы имеем дело с внешне навязываемым, но вовсе не обязательно принимаемым нами влиянием, с которым мы можем поспотаться, а можем и спокойно проигнорировать его.

В научной школе академика А.В. Петровского Е.В.Щедрина ввела в научный оборот понятие «референтность», которое «описывает явления избирательной ориентированности в круге значимых лиц для данного индивида, групп и лиц». При этом она делает содержательное сопоставление «референтности» и «авторитетности». По ее мнению эти явления «образуют единство, хотя и не являются тождественными... лицо, являющееся авторитетным в каком-либо отношении, является в том же отношении референтным, хотя не всякое референтное лицо является авторитетным, т.е., не за каждым будет признано право решать значимые для субъекта проблемы» (Петровский А.В., ред, 1979). Так разводятся эти понятия в концепции Е.В.Щедриной, и это соответствует и нашему пониманию данного вопроса, ранее изложенному в нашем диссертационном исследовании, книгах и статьях (Степкин Ю.П., 1976, 2013, 2015).

В дефинициях «феномена авторитета», сложившихся в отечественной науке, отмечаются принципиально иные его особенности. По мнению одних исследователей, «отношение авторитета» есть частный случай, одна из форм «отношения руководства - подчинения» (Кейзеров Н.М., Киселев Ю.В., Посохов П.П., Павлов Л.С., и др.). Однако, это такая форма, которая, по совершенно справедливому мнению Ю.В. Киселева, «основана на признанном влиянии или силе и воспринимается как общественная целесообразность» (Киселев Ю.В., 1966). Это

определение содержит также указание на общую социальную функцию авторитета : способствовать достижению общезначимых целей и подчинению людей социальным нормам.

Более дифференцированной является точка зрения, согласно которой авторитет рассматривается в « плане определенного свойства общественной группы(личности) оказывать ненасильственное влияние на поведение другой группы (личности) » (Комаров В.Д., 1968). Под «ненасильственным влиянием» понимается «подчиняющее воздействие на поведение общественной группы (человека) в соответствии с коренными интересами объекта влияния и его волей ». Такое влияние «предполагает наличие доверия со стороны его объекта к «носителю авторитета ». Последнее возникает на основе объективной общности прежде всего коренных интересов социальных групп (или отдельных людей). Легко видеть, что в этой дефиниции указаны существенные условия возникновения авторитета как социального феномена. Первое из них - доверие людей к носителю авторитета, возникающее на основе общности их интересов. Второе, но не менее важное - учет носителем авторитета интересов людей и их волеизъявления. Именуется определение, где авторитет рассматривается как «специфический вид общественных отношений, означающий свободно выражаемое уважение, доверие со стороны коллектива(масс) к личности (или организации), обладающей знаниями, опытом, нравственными достоинствами» (Калиничев В.К., 1971). При этом, акцент делается на добровольно принимаемом массами воздействии, которое оказывают на них авторитетные личности.

Теоретическое исследование проблемы. Анализ дефиниций «феномена авторитета» послужил стимулом для разработки нами «Социально- психологической концепции формирования «феномена авторитета личности» в контактной группе» на базе проведенных нами теоретических и эмпирических исследований (Степкин Ю.П., 1976, 2013, 2015, 2019). И действительно, рассмотренные дефиниции авторитета со всей очевидностью указывали, что между субъектами и объектами «отношения авторитета» имеется особая зависимость, а не просто какое-то мало понятное «влияние». И очевидно принципиальное отличие «феномена авторитета» от выше рассмотренных феноменов : власти, престижа, репутации, референтности.

Скрупулезный теоретический анализ убедил нас, что «авторитет оказывается функцией двух переменных : особенностей как субъекта авторитета, так и объекта этого отношения, в котором оба они активны. Но каждый по-своему, принципиально иначе» (Ю.П.Степкин, 1976, с.6).. Для «отношения авторитета» показательна совершенно особая роль «объектов авторитета». Это – отнюдь не пассивный исполнитель чьей-то доминирующей воли,

а активный субъект, обладающий в полной мере свободой воли и свободой выбора. Он имеет только два ориентира: первый - его насущные интересы и потребности; второй - личностные особенности индивида, который способен, по его мнению, решить его актуальные проблемы, выступая в качестве « субъекта авторитета». Роль последнего также весьма своеобразна. «Он несомненно оказывает влияние на других людей – «объектов авторитета», иначе исчезает «феномен авторитета». Но лишь в той мере, в какой «объекты» испытывают в этом потребность и позволяют это делать!» (Ю.П. Степкин, 1979, с.246). . Всякое насильственное воздействие, характерное, как мы видели, для «властного влияния», здесь в принципе неуместно и исключается.

В этом и состоит принципиальное своеобразие авторитета личности как социально—психологического феномена. В рамках функционального подхода, отмечали мы, «когда носитель авторитета, выступая в качестве субъекта действия, предстает, на первый взгляд, инициатором «отношения авторитета», а его «объектам» отводится роль «пассивных контрагентов», названное противоречие не разрешается». Оно устраняется, если предположить, что «носитель авторитета» является «объектом оценочного отношения» со стороны «объектов авторитета». Результатом такого «отношения» становится оценка ими свойств личности «субъекта авторитета». А она, в итоге, и решит, сможет ли данная личность, при всем ее «личностном потенциале», стать авторитетной для членов данной социальной группы или нет.

И отсюда следует важнейший для понимания сущности «феномена авторитета» и всей «проблемы авторитета личности» вывод : «Объекты авторитета» действительно изменяют свое поведение под влиянием «субъектов авторитета», но лишь постольку, поскольку последние становятся для них носителями важных, а точнее, ценных свойств : моральных, интеллектуальных, профессиональных, деловых и прочих» (Ю.П. Степкин, 1976, 2013). Их роль в начальной стадии возникновения «отношения авторитета» первичная, а субъекта авторитета – вторичная, которую он «исполняет» в их воображении, чаще всего, не ведая о том. Он для них - «потенциаль-

ный субъект авторитета», пример для подражания, источник ценной информации, человек, которому можно и должно доверять, который поможет в трудную минуту. Так наши респонденты описывали авторитетного для них человека в нашем исследовании «оснований авторитета личности» (Степкин Ю.П., 1976, 2015).

Таким образом, инициация «отношений авторитета» между членами социальной группы происходит в мотивационной сфере «объектов авторитета», вследствие чего, «субъекты» этого

отношения, являясь для них «референтными лицами», и получают возможность оказывать определенное – «побудительное воздействие» на них, удовлетворяя их существующие социальные потребности ! «Феномен авторитета» зарождается, существует и угасает в «мотивационной сфере объектов авторитета». Поэтому, главным предметом нашего исследования стала мотивационная сфера «объектов авторитета».

В ней мы, в соответствии с нашей Общей Концепцией, исследовали две группы детерминант, формирующих «феномен авторитета личности» (Степкин Ю.П., 1976, 2015). Одни из них, согласно её постулатам, непосредственно иницируют «отношение авторитета», и по этой причине мы назвали их сущностными детерминантами. К ним относятся «ценностные установки» личностей-«объектов авторитета» в совокупности с их особенностями представлений о себе (их «Я-концепция»). (Ю.П. Степкин, 1973, 2013, 2015). Ценностные установки : знания, мировосприятие, нравственные принципы, отношение к жизни и людям, и т.д., - выполняют центральную функцию ориентации личности в мире социальных значений, позволяя ей отбирать среди них нужные и важные для неё и избегать неприятных и принижающих (Леонтьев А.Н., 1983). «Самооценочная структура» или «Я-концепция» личности - это иная ценностная структура, направленная на «внутренний мир» человека («объекта авторитета»). Она отражает уровень его самоуважения и притязаний, доставляя ему возможность разобраться в своих личностных качествах и идентифицировать себя с желательным для него – референтным типом личности. В этом плане интересны исследования «социогенных потребностей», проведенные известным грузинским психологом Ш.Н. Чхартишвили (Чхартишвили Ш.Н., 1974). Иначе говоря, эти структуры по своей психологической природе и локализации действительно представляют собой существенные компоненты мотивационной сферы личности «объектов авторитета». Они влияют на подбор ими свойств личности в качестве оснований авторитета, а на их «почве» - и на выбор того или иного человека как авторитетного или неавторитетного.

Другую группу факторов, детерминирующих формирование «феномена авторитета личности», составляют образы или «оценочные эталоны» авторитетных и неавторитетных людей, сложившиеся в мотивационных сферах «объектов авторитета» как результат познания ими личностных свойств разного рода людей и вероятностных выводов об их личностных особенностях. Эти «оценочные эталоны» формируются под влиянием их «ценностных установок» и «самооценочных структур», их личного опыта, в свою очередь выявляя авторитетных и неавторитетных индивидов среди

великого множества людей. По своей психологической природе они являются *обобщенными образами личностных свойств реальных людей*, вероятно отражая их действительные свойства. Наши респонденты воспроизводили подобного рода «оценочные эталоны», оценивая хорошо знакомых им авторитетных и неавторитетных людей, представления о которых у них сложились в предыдущем опыте общения с ними. Эти «оценочные эталоны» следует отличать от **«оценочных структур», возникающих в когнитивной сфере «объектов авторитета» в их акте восприятия и оценки личностных свойств конкретных людей**, кажущихся им авторитетными. Значение и роль этих детерминант как факторов формирования «феномена авторитета личности» были выявлены в нашем *эмпирическом исследовании*.

Эмпирическое социально-психологическое исследование природы и сущности «феномена авторитета личности».

Основной задачей этого исследования было выявить, существует ли *тесная психологическая взаимосвязь* между *ценностными установками* наших респондентов и их *представлениями об авторитетных и неавторитетных людях*, которых они хорошо знали и могли уверенно судить об их личностных свойствах. *Наличие такой взаимосвязи подтвердило нашу основную гипотезу о ценностной природе и сущности «феномена авторитета личности».*

Методика исследования сущностных детерминант формирования «отношения авторитета личности» в контактной группе.

Разработанная нами методика имела четыре *различающиеся части* по своему целевому назначению. Задача *первой* из них - получить эмпирические данные о *характерных особенностях ценностных установок объектов авторитета*. Задача *второй и третьей* - выявить их *реальные представления о свойствах личности: а) авторитетного, и б) неавторитетного для них человека*. Задача *четвертой* - выявить *представления объектов авторитета о свойствах собственной личности (их «само-оценочные структуры» или «Я- концепции»)*.

Все части методики соотносились между собой по *единым основаниям оценивания* : набору *свойств личности и абсолютно идентичным объектам исследования*. В качестве первых служили 75 (семьдесят пять) свойств личности, которые описывали ее в разнообразных планах: знаний, умений, способностей, потребностей и интересов, отношения к другим людям и к себе, и ряд других, - что позволило нашим респондентам достаточно полно охарактеризовать авторитетного и неавторитетного для них человека как субъекта общения и деятельности.

Процедура исследования состояла из трех серий. В первой из них выявлялась *структура ценностных установок* наших респондентов. Они

оценивали важность для них личностных свойств, отмеченных выше, по шкале от «0» до «100» условных единиц. Такая протяженность шкалы позволяла им более точно и тонко выражать свои предпочтения. Каждое оцениваемое свойство личности было представлено на отдельной перфокарте. Респондент прочитывал и оценивал его, а затем заносил оценку в стандартный бланк в соответствии с порядковым номером перфокарты. И переходил к оценке следующего свойства. Такая процедура повторялась во всех сериях. Отметим, что мы сознательно избегали изучения, так называемых, объективных психологических структур субъектов и объектов авторитета с помощью «тестовых методик», хотя имели такие возможности. Это могло бы дать ответ на вопрос об *адекватности оценок объектов авторитета*, но ничего не изменило бы в понимании *сущности* нашей проблемы. Впрочем, вопрос этот заслуживает специального изучения.

Во второй серии те же респонденты оценивали по десятибалльной шкале (0 - 10) уровень развития названных личностных свойств у *двух хорошо знакомых* им людей : у *наиболее авторитетного* для них и *наиболее неавторитетного*, - на что мы обращали особое внимание наших респондентов. *Предварительно они указывали в опросном листе их пол, возраст, образование, профессию, кратко описывали внешность. Тем самым, они характеризовали не «людей вообще», а реальных авторитетных и неавторитетных для них, описывая их индивидуальные особенности, о которых имели собственное представление.* Каждое из названных лиц респонденты оценивали независимо от другого. Опросник с первой частью задания тотчас отбирался после его выполнения, и респондент мог приступить к выполнению второй его части. Такая особенность процедуры позволила получить *индивидуализированные «оценочные структуры» авторитетных и неавторитетных людей, их независимые и содержательные характеристики, а не расхожие социальные штампы.* Другая особенность процедуры состояла в том, что *между сериями выдерживался пятидневный интервал* с целью избежать наложения оценок предыдущей серии на оценки последующей, что было очень важно.

В третьей серии те же респонденты оценивали уровень развития *тех же личностных свойств*, но уже у *самых себя* по идентичной десятибалльной шкале, что и во второй серии : от «0» до «10» баллов. В результате, были получены *«самооценочные структуры» наших респондентов как «объектов авторитета», которые мы потом сопоставляли с их ценностными установками и оценками ими авторитетных и неавторитетных людей в соответствии с замыслом данного исследования.*

При обработке эмпирических данных были использованы классические методы математической статистики : *корреляционный,*

регрессионный и факторный анализы (Плохинский Н.А., 1970; Окунь Ян, 1974). Они позволили выявить важные тенденции взаимозависимости и взаимовлияния ценностных, оценочных и самооценочных структур мотивационной структуры «объектов авторитета», понять их роль и значение как детерминант формирования «отношения авторитета» между людьми в процессе их социальной интеракции.

Отметим особую роль «факторного анализа» в объяснении этих тенденций, основное предположение которого состоит, по мысли известного чешского исследователя Яна Окуня, в том, что «различного рода социальные и психологические явления, несмотря на свою разнородность и изменчивость, могут быть описаны относительно небольшим числом функциональных единиц, параметров или факторов», вследствие чего, «сложные психологические факторы могут быть заменены более известными и легко интерпретируемыми» (Окунь Ян, 1974, с.16).

Результаты эмпирического исследования. Здесь мы выяснили, что качества личности «потенциального субъекта авторитета», даже самого высокого уровня развития, должны пройти «фильтр» ценностных установок, оценочных суждений, самооценочных структур «объектов авторитета», чтобы стать для них «основаниями авторитета» этого человека (Степкин Ю.П., 1976,

2015). Факторный анализ корреляционных связей между названными структурами, представленными в «Таблице 1», выявил роль и значение каждой из них как факторов, формирующих «отношение авторитета» (Окунь Ян, 1974). Математическая обработка эмпирических данных выполнена математиком-программистом В.Ф. Федоровым, кандидатом психологических наук.

Из «Таблицы 1» видно, что факторные нагрузки первой, второй и четвертой переменных обусловлены, главным образом, *первым фактором*, а третьей переменной - *вторым фактором*. Поэтому *первый из них* мы назвали «фактором позитивного авторитета», где факторная нагрузка = +.946, а *второй* - «фактором негативного авторитета», где ф.н. = +.736, учитывая положительные и отрицательные значения соответственно, входящих в них свойств личности. Ротация факторов выявила ведущую роль «ценностных установок» в первом факторе (ф.н. = +.954) и «оценочных эталонов неавторитетного человека» - во втором (ф.н. = +.951). Т.е., *первый фактор является одновременно и «ценностным», и «фактором позитивного авторитета».* Они - взаимозависимые, психологически родственные компоненты, оказывающие весьма сильное влияние друг на друга, что подтверждает регрессионный анализ : Таблица 2, п.2.

Таблица 1

Факторная матрица личностных структур «объектов авторитета»

Виды личностных структур	Факторы			
	до ротации		после ротации	
	1 ф-р	2 ф-р	1 ф-р	2 ф-р
1. Ценностные установки объектов авторитета (ЦУ)	+ .912*	- .301	+ .954*	+ .134
2. Оценочные эталоны – 1 (ОЭ-1) (позитивный авторитет)	+ .946*	- .219	+ .642	+ .198
3. Оценочные эталоны – 2 (ОЭ-2) (негативный авторитет)	+ .669	+ .736*	+ .249	+ .951*
4. Самооценочные структуры объектов авторитета (СС)	+ .935*	- .019	+ .588	+ .315

Примечание : Принятый уровень достоверности факторных нагрузок : $r = 0,3$ при уровне достоверности $b = 0,01$, что позволяет уверенно судить о тенденциях взаимодействия этих личностных структур.

Таблица 2

Коэффициенты связи личностных структур «объектов авторитета»

Соотношения структур	Корреляция K_{mn}	Регрессия	
		R_{mn}	R_{nm}
1. ЦУ x СС	0.790	0.995*	0.640*
2. ЦУ x ОЭ-1	0.908*	0.911*	0.881*
3. ЦУ x ОЭ-2	0.409	0.654	0.254
4. СС x ОЭ-1	0.851*	0.693*	1.000*
5. СС x ОЭ-2	0.581	0.736*	0.476*
6. ОЭ -1 x ОЭ -2	0.478	0.810*	0.302*

Примечание : ЦУ – ценностные установки «объектов авторитета», СС – самооценочные структуры «объектов авторитета», ОЭ-1 и ОЭ-2 – «оценочные эталоны свойств личности» авторитетных и неавторитетных людей. Коэффициенты регрессии, представленные в «Таблице 2», показывают

одностороннюю зависимость личностных структур объектов авторитета друг от друга. А именно, тот «вклад», который вносит в корреляционную связь (R_{mn}) между ними каждая из этих личностных структур. Определяется он коэффициентами регрессии: R_{mn} и R_{nm} , - где: « m » и « n » - символы переменных: ЦУ, СС, ОЭ-1, ОЭ-2.

«Ценностные установки» наших респондентов и их оценки авторитетных людей (ЦУ х ОЭ-1) имеют высокую корреляционную связь: $K_{mn}=0.908$, - в которой доминирует влияние «ценностных установок»: $ЦУ=0.911$ vs $ОЭ-1 = 0,881$. Из этого следует принципиально важный вывод, что: **«Феномен авторитета личности» действительно имеет ценностную природу, а «отношение авторитета» является разновидностью «ценностного отношения», что подтверждает нашу основную гипотезу о ценностной природе «феномена авторитета».** А вот совокупность оценок «объектами авторитета» свойств личности неавторитетного человека выпадает из этой «обоймы», указывая на существенное отличие личностных свойств авторитетного и неавторитетного людей. Из «Таблицы 2, п.5» также следует, что представление о неавторитетном человеке в значительной мере формируется у нас под влиянием наших самооценочных структур ($R_{mn} = 0.736$ vs $R_{nm} = 0.476$). Иначе говоря, оценивая человека как авторитетного, мы опираемся, по преимуществу, на наши «ценностные установки», а неавторитетного – на свои «само-оценочные структуры», сравнивая его с собой. В этом смысле их можно назвать детерминантами позитивного и негативного авторитетов личности.

Эти данные позволяют заглянуть «внутрь» мотивационной сферы личности «объектов авторитета» и увидеть тесную взаимосвязь между её структурно-функциональными компонентами (Рис. 1). Например, между такими важнейшими психологическими структурами как «ценностные установки» и «самоконцепция» личности (ЦУ х СС), о чем свидетельствует коэффициент корреляции между ними: $K_{mn} = 0,790$. Выясняется, что формирование наших представлений о «себе любимых» происходит под существенным влиянием наших «ценностных установок», что подтверждает значительное различие коэффициентов «прямой» и «обратной» регрессии: $R_{mn}= 0,995$ vs $R_{nm}= 0,640$. Иначе говоря, мы идентифицируем своё «индивидуальное - Я» с теми личностными свойствами, которые ценны с нашей точки зрения. А также с теми, которые мы отмечаем в авторитетном для нас человеке, влияние которого на нас практически абсолютно. (Видимо потому, что «эталоны личностных свойств авторитетных людей» были сформированы нашими респондентами на основе действительно высоких для них образцов авторитетных людей). Отличные от этих свойств мы не принимаем в свое «субъективное - Я», поскольку они будут для нас либо индифферентными, либо неприемлемыми.

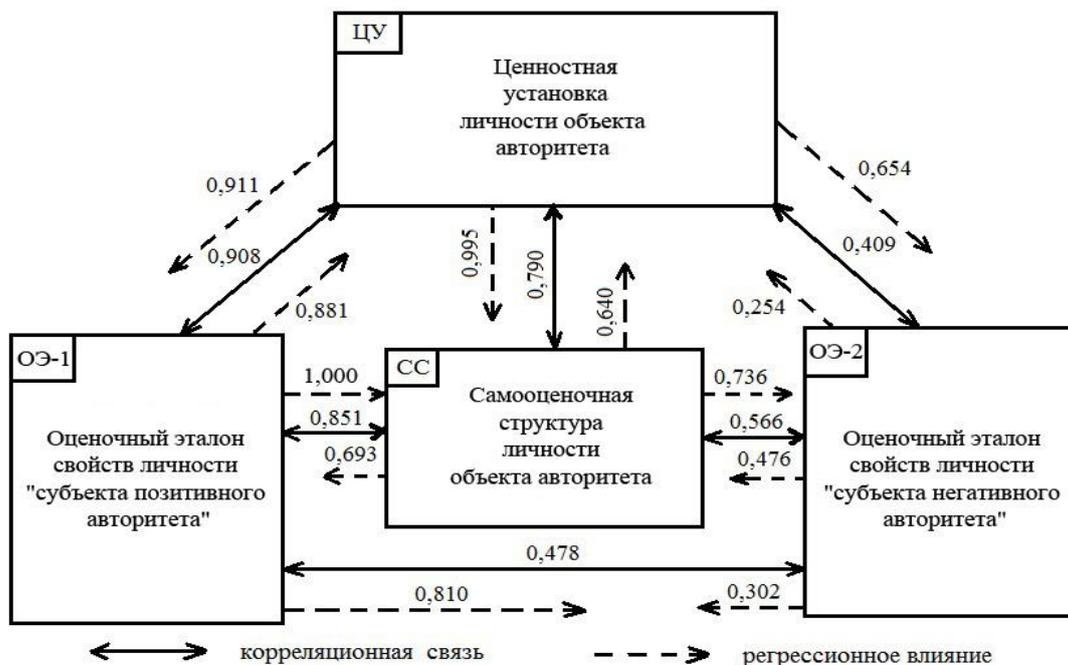

Рис. 1. Структура мотивации личности «объекта авторитета»

Однако, такая зависимость не однозначная, а двусторонняя, поскольку «ценностные структуры» и «эталонные представления о личности авторитетного человека», в свою

очередь, подвергаются корректировке нашими представлениями о себе, хотя и в меньшей мере, на что указывают коэффициенты обратной регрессии: $R_{nm}= 0,640$ и $R_{nm}= 0,693$. Т.е., многие личностные

свойства, характерные для нас самих, мы на этом основании считаем ценными и проецируем их на авторитетных для нас людей. Авторитетные люди – во многом подобны нам и в значительной мере являются порождением нашего воображения, а многие личностные свойства кажутся нам ценными потому, что принадлежат нам. Здесь срабатывает, как нам представляется, «психологический механизм приписывания» особенностей наших личностных свойств другим людям вкупе с нашей привычкой интерпретировать их личностные свойства на наш лад. Анализ взаимовлияния наших «ценностных установок» и «самооценочных структур» важен, на наш взгляд, не только для понимания «проблемы авторитета личности», но и мотивационной сферы личности вообще. Ранее подобный анализ, как нам известно, не проводился, и мы считаем его определенным вкладом в теорию социальной психологии личности.

Обсуждение результатов исследования. Таким образом, «отношения авторитета» между людьми действительно представляют собой разновидность «ценностных отношений», которые являются для них первичными и родовыми. Активным началом, инициирующим их между членами социальной группы, оказываются потребности, интересы, мотивация «объектов авторитета», которые побуждают их искать в «мире социальных значений» (А.Н. Леонтьев) компетентных и авторитетных для них людей, чтобы решить их актуальные проблемы. Тем самым, «субъекты авторитета», как и полагается, сохраняют за собой прерогативы субъектов действия, оставаясь в статусе «авторитетных личностей» (Степкин Ю.П., 1976, 1979, 2015), что важно иметь в виду. А это означает, что «отношение авторитета» представляет собой субъект - субъектное отношение, в котором латентно представлены два встречных: субъект - объектных отношения. В одном из них - оценочном – субъектами действия выступают «объекты авторитета», оценивающие свойства личности «потенциальных субъектов авторитета», результатом чего является «оценка» ими их личностных свойств. В другом - собственно авторитетном или побудительном – субъектом действия становится предполагаемый или «потенциальный субъект авторитета», если они (объекты) увидят, что он в должной мере является носителем ценных в их социальной группе личностных свойств. Тем самым, приобретая свойства «реального субъекта авторитета» и оказывая особое, побудительное, влияние на «объектов авторитета»,

Для объяснения этих весьма противоречивых и парадоксальных, на первый взгляд, преобразований в рамках «отношения авторитета» мы привлекли, так называемый, «ценностный подход», разрабатываемый отечественными исследователями: В.П.Тугариновым,

В.О.Василенко, О.Г. Дробницким и другими (Тугаринов В.П., 1968; Василенко О.В., 1969; Дробницкий Г.Г., 1969, и др.). «Ценностный подход к явлениям действительности, - пишет известный отечественный исследователь данной проблемы профессор В.П. Тугаринов, - « есть элементарнейший акт, без которого невозможны ни деятельность, ни сама жизнь человека как существа, имеющего потребности, интересы и цели» (Тугаринов В.П., 1968, с.3). По мысли В.П. Тугаринова, «ценности суть те явления природы и общества, которые полезны, нужны людям» (Тугаринов В.П., 1965, с. 9). Т.е., они суть обычные объекты материального или духовного мира, рассмотренные в связи с потребностями людей. Они являются ценностями не сами по себе, а лишь в той мере, в какой они удовлетворяют наши потребности. Их главная особенность - генетическая, нерасторжимая связь с нашими потребностями». Они проецируются в наши личностные мотивационные структуры и презентуют (представляют) наши потребности в нашем сознании (Леонтьев А.Н., 1983).

В нашем случае «ценностный подход» позволил увидеть и объяснить социально-психологический механизм порождения «отношений авторитета» в рамках «ценностных отношений». «Ценностное отношение» является центральным понятием «ценностного подхода», которое включает в себя такие структурно-функциональные компоненты как: субъект и объект «ценностного отношения», их потребности и ценностные установки, ценность и оценка, оценочное и актуальное отношения, удовлетворение потребности. Его функционирование строго алгоритмизировано и проходит в несколько последовательных этапов: 1) «Субъект ценностного отношения» испытывает какую-то потребность в «объекте», который обладает нужными ему свойствами и, вследствие этого, может удовлетворить его актуальную потребность (например, в научной информации). 2) Эта потребность отражается в его сознании в виде «ценностной установки», которая: 3) Иницирует «оценочное отношение» в поисках «объектов с нужными свойствами», перебирая различные их варианты, и когда находит, то: 4) Производит «оценку» их свойств, а «результат оценки», по обратной связи «актуального отношения», поступает в мотивационную сферу «субъекта ценностного отношения», где: 5) Происходит сличение результатов оценки со «свойствами потребного объекта, представленными в «ценностной установке» «субъекта ценностного отношения», и если: 6) Они идентичны, то происходит удовлетворение потребности «субъекта ценностного отношения», на чем и замыкается «структурно-функциональное кольцо ценностного отношения». Экстраполяция этих положений «ценностного подхода» на «феномен авторитета личности»

позволила нам детально увидеть и объяснить процесс порождения «отношений авторитета» в рамках «ценностных отношений».

Социально-психологический механизм порождения «отношений авторитета личности» в рамках «ценностного отношения». Здесь тоже все строго алгоритмизировано и происходит в несколько последовательных этапов. Из нашего анализа «проблемы авторитета» и «ценностной концепции» следует, что : 1) *Начальный толчок* этому «механизму» дает *какая-то актуальная потребность «потенциального объекта авторитета, выступающего в роли «субъекта ценностного отношения»*, которая : 2) Порождает его «ценностную установку» на поиск индивида с определенными личностными свойст-вами, которые должны помочь ему решить существенную задачу, при решении которой он испытывает дефицит личностного потенциала(знаний, умений, способностей, и т.д.), и если он находит его, то: 3) *Возбуждается его «оценочное отношение» с последующей «оценкой» личностных свойств этого индивида*, а затем: 4) *Результат «оценки» поступает в мотивационную сферу «потенциального объекта авторитета»*, где: 5) *Происходит сличение этого результата с его «ценностной установкой»*, и если :6) *Задача оказывается решенной, то следует:* 7) *Удовлетворение потребности «субъекта ценностного отношения», который:* 8) *Становится «реальным объектом авторитета», а «объект ценностного отношения» - «реальным субъектом авторитета».* Происходит *«парадоксальная функциональная рокировка»*, когда *«субъекты ценностного отношения» становятся «объектами авторитета», а его «объекты» - «субъектами авторитета личности».*

Наглядно социально-психологический «механизм порождения отношения авторитета» в рамках «ценностного отношения» представлен на «Рисунке -1». Суть этого «механизма» состоит в том, что *«потенциальный объект авторитета»(ПОА)* и *«потенциальный субъект авторитета»* (ПСА) становятся : первый – *«реальным объектом авторитета»(РОА)*, а второй - *«реальным субъектом авторитета»(РСА)*, формируя тем самым, **«отношение авторитета»**. Запускает этот процесс «потенциальный объект авторитета» (Личность-ПОА), который испытывает ту или иную разновидность «личностного дефицита» при решении важной для него задачи (например, школьник или студент). Ему может не хватать знаний, либо способностей для ее решения, уверенности в своих силах и так далее, что отражается **на состоянии его потребности в решении этой задачи**. Эта потребность, в конечном итоге, представляет собой **«психологически напряженную систему»** (К.Левин), которая в мотивационной сфере (ученика, студента) активизирует идентичные ценностные установки, формируя образ потенциального субъекта авторитета, на схеме, «Личности-ПСА». И это очень важное событие ! Иначе, **«поисковая система»** «потенциального объекта авторитета» не будет способна **активно искать и найти** в социальном окружении **нужного** ей человека. Нельзя искать *ничто*, «не опредмечивая его, не определяя цель поиска» (Леонтьев А.Н, 1983). Именно это и побуждает делать **актуальная, т.е., напряженная потребность !** Если этого не произойдет, то все участники социального окружения будут для «потенциального объекта авторитета» либо *индифферентны, либо психологически не «видны».*

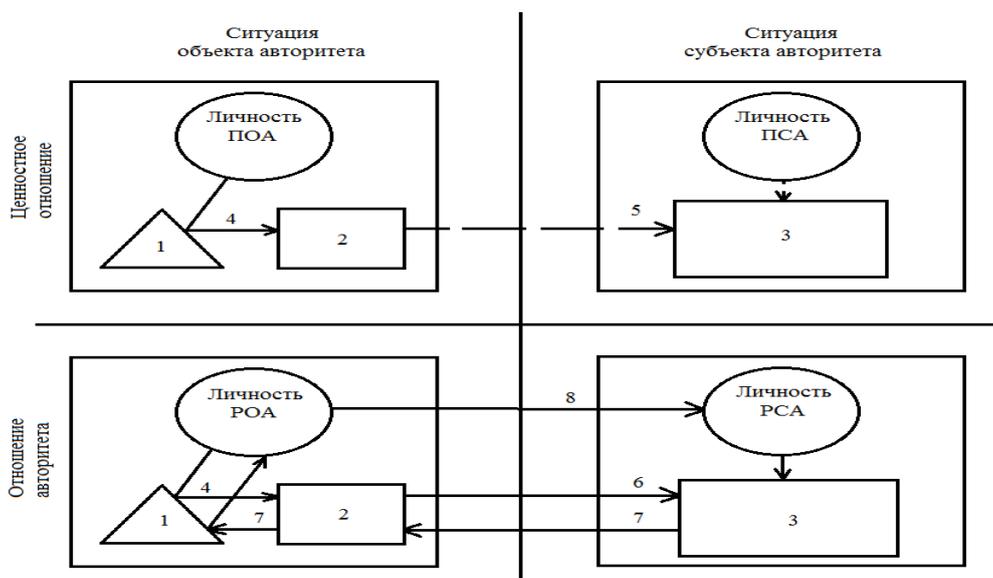

Рис.- 1. Схема формирования «отношения авторитета» на основе «ценностного отношения» в межличностной коммуникации

Условные обозначения : ПОА и РОА - потенциальный и реальный объекты авторитета; ПСА и РСА - потенциальный и реальный субъекты авторитета. Цифрами обозначены : 1 - актуальная социальная потребность потенциального объекта авторитета(ПОА); 2 - ценностная установка ПОА; 3 - свойства личности потенциального субъекта авторитета (ПСА); 4 - активация ценностной установки потенциального объекта авторитета его актуальной социальной потребностью; 5 - восприятие потенциальным объектом авторитета (ПОА) свойств личности потенциального субъекта авторитета (ПСА); 6 - оценка ПОА свойств личности ПСА как свойств - ценностей; 7 - удовлетворение актуальной социальной потребности объекта авторитета; 8 - инсайт : признание личности ПСА в качестве реального субъекта авторитета - РСА ! Обсуждение - в тексте.

Эту важную проблему исследовали известные отечественные пси-хологи А.В. Петровский и Г.А.Фортунатов, которые пришли к важнейшему выводу, что: «пока та или иная нужда человека не отражена, не представлена в сознании, потребность находится в *потенциальном состоянии*. При определенных условиях она переходит в *актуальное состояние*, становясь побуждением сделать что-то или хотя бы представлять и мыслить то, что составляет ее объект»(Фортунатов Г.А., Петровский А.В., 1956, с.18). Это требование находится в полном соответствии с принципиальным положением «теории управления», согласно которому «управляемая система реагирует не на всякую информацию, а только на такую, которая необходима в данное время и в данных условиях ее действительного управления »(Украинцев Б.С., 1961, с.116). *Взаимодействие этих двух факторов: актуальной социальной потребности и дефицита возможности её удовлетворения собственными средствами,- и побуждает «личность потенциального объекта авторитета» активно ориентироваться в «мире социальных значений» (А.Н. Леонтьев) и выбирать среди них ценные для себя. В нашем случае, это свойства личности «потенциального субъекта авторитета(«Личности-ПСА»), например, его знания.*

Вследствие этого, в мотивационной сфере «потенциального объекта авторитета»(«Личности-ПОА») со всей неизбежностью и возникает то особое состояние психической напряженности, о котором мы говорили выше. И которое с той же неизбежностью требует своего рода «разрядки». «Личность- ПОА» испытывает понятный душевный дискомфорт, побуждающий её активно искать пути решения «наболевшей» проблемы. Несомненно, каждый из нас испытал подобное состояние в тех или иных жизненных обстоятельствах. Это состояние близко по своей сути, к так называемому, *когнитивному диссонансу*(Фестингер Леон, 1973,1985; Трусов В.П., 1980), а точнее - *когнитивно - эмотивному*, поскольку в нем ,конечно же, присутствуют как познавательные, так и эмоциональные компоненты, да и поведенческие – тоже. В нашем случае речь, конечно же, идет о *когнитивно-эмотивно-конативном диссонансе, сокращенно: « КЭКД»*. «Объект авторитета» не только обдумывает, как ему решить трудную для него задачу, но и переживает на этой почве определенную

«личностную несостоятельность», намечая ,при этом, какую поведенческую стратегию ему избрать для ее решения. И подчас, лучшей стратегией оказывается обращение за помощью к компетентному для него человеку, который потом может стать *авторитетным для него*.

В этом состоянии психологической напряженности, ожидания и поиска личность готова принять желательное ей информационное и какое-то иное воздействие, которое ,по ее прогнозам, может решить её проблемную ситуацию. Такое активное состояние «психологической готовности» сообщает личности качество «потенциального объекта авторитета», открывая ,тем самым, п е р в у ю ф а з у формирования «отношения авторитета». Мы называем её «стадией активного поиска и ожидания», в которой «Личность -ПОА» надеется, что её проблемы будут решены с помощью более компетентного человека - «потенциального субъекта авторитета»(«Личности –ПСА»).

В т о р а я фаза формирования «отношения авторитета» начинается тогда, когда в сенсорном поле «потенциального объекта авторитета»(«Личности –ПОА») появляется эта знаковая личность : «Личность - ПСА», - искомые свойства которой (напр., знания) могут удовлетворить его познавательную потребность и способствовать решению его проблемной ситуации. Как следует из «теории ценностей», «объект авторитета»(«Личность-ПОА») входит с ней в ,так называемое, «*оценочное отношение*» по поводу её свойств. Результатом его становится *оценка этих свойств как искомых и ценных для «объекта авторитета», способных удовлетворить его актуальную познавательную потребность*. Исследования *массовой коммуникации* со всей определенностью указывают на такой исход. В частности, известный отечественный исследователь данной проблемы Ю.А. Шерковин среди факторов, влияющих на успех коммуникационного воздействия, называет «*удовлетворение психических потребностей, испытываемых людьми в каждый данный момент времени*»(Шерковин Ю.А.,1973, с.14). На этой основе и наступает *признание личности «потенциального субъекта авторитета»(«Личности – ПСА») в качестве «реального субъекта авторитета»(«Личности – РСА»)*. Эврика : «*отношение авторитета» возникло!*

Наступает **т р е т ь я ф а з а** взаимодействия «реального объекта авторитета» («Личности-РОА») с авторитетной для него личностью (Личностью – РСА). Это – фаза изменения психологических структур «объекта авторитета»: мнений, знаний, социальных установок, ценностных ориентаций, – под влиянием авторитетной личности. И если такое произошло, то **можно констатировать, что «отношение авторитета» с ф о р м и р о в а н о !** Все будет зависеть от объективного уровня развития её «личностного потенциала» и степени его значимости для «объектов авторитета».

Заключая, сделаем важнейший вывод. Авторитет личности выступает в качестве её особого социально- психологического свойства изменять психологические структуры других людей. Важнейшая особенность этого свойства, как показало наше исследование, состоит в том, что изменение психологических структур «объектов авторитета» происходит **рефлексивно** по отношению к психологическим структурам «субъектов авторитета». Их мнения, взгляды, социальные установки преобразуются таким образом, что приобретают особенности, в той или иной мере, присущие психологическим структурам «субъектов авторитета». В итоге, в мотивационной сфере личности «объектов авторитета» возникает взаимосвязанная совокупность «личностных ценностных установок» (ориентаций) (В.А.Ядов, 1979) или «аттитюдов» – в американской транскрипции этого феномена (Kellmann Н.Н., 1956).

Они ,как показали исследования профессора В.А.Ядова и его сотрудников, определяют ценность личностных свойств оцениваемых людей, их вербальное и актуальное поведение в межличностной коммуникации. А «концепция attitudes» американского социального психолога Х. Келлманна о **трех типах изменения социальных установок личности : интернализации, идентификации и внешнем подчинении,** – помогает понять изменение личностных свойств «объектов авторитета» под воздействием «субъектов авторитета». Самое глубокое изменение достигается **при интернализации,** когда мнение коммуникатора («субъекта авторитета») включается в ценностную структуру реципиента («объекта авторитета»), становясь его личным мнением. Это имеет важное значение для понимания **эффекта побудительного воздействия** феномена авторитета личности на членов социальной группы, которое происходит посредством психологических феноменов убеждения, внушения, подражания, заражения. В результате, наше психологическое и реальное поведение как «объектов авторитета» приобретает характеристики, сходные с поведением авторитетных для нас людей.

Такая «идентификация», можно сказать – «унификация», коренным образом **улучшает наше социально – психологическое**

самочувствие и укрепляет нашу самооценку, устраняет «когнитивно –эмотивный- конативный диссонанс»(КЭКД) между нашим стремлением решить актуальную задачу и дефицитом средств её решения. Вообще, **диссонанс,** вызванный рассогласованием цели и средств её достижения. Помощь, полученная от авторитетного человека ни в какой мере не принижает нашего человеческого достоинства. Потому что, мы активно искали решение нашей проблемы, хорошо ее осознавали и ,благодаря этому, смогли выйти на нужного нам человека, который и помог нам решить актуальную проблему. Мы были фактически **соавторами** такого решения, что надежно защищает наше личное и профессиональное достоинство. Положительный результат перевешивает «муки самолюбия» и притязания тщеславия. В этом состоит ,**подчеркнем жирной чертой, важнейшая стабилизирующая роль авторитетных людей в Социуме, помогая его членам обрести достойное место в нем и душевное равновесие.** Авторитетная личность не подавляет своих «объектов», а поднимает их до себя, до своего уровня, возвышая их человеческое и профессиональное достоинство и способствуя их дальнейшему совершенствованию как социальных субъектов.

ВЫВОДЫ. 1) Мы получили реальную картину формирования «отношения авторитета» в интерперсональном пространстве общения и деятельности членов контактной группы. Она позволяет увидеть совокупность личностных детерминант, формирующих авторитет личности как реальный социально – психологический феномен и особое социально- психологическое свойство «субъекта авторитета». В ней представлены принципиально значимые компоненты того сложного и мало изученного «психологического механизма», действие которого сообщает каким-то людям особую социальную значимость и ценность в глазах других людей. И ,тем самым, создает реальную возможность влиять на них социально- адаптивным образом. Результаты нашего исследования позволили дать научно обоснованные описания и определения «феномена авторитета личности» как социально- психологического явления.

2) «Отношение авторитета» представляет собой особую разновидность «ценностного отношения». Это означает, что потребность «объектов авторитета» в значимом для них человеке, который ,по их оценке, обладает для них «ценными свойствами», инициирует «отношение авторитета», делая этого человека ,при определенных условиях, «потенциальным субъектом авторитета». Недостаточно такому индивиду быть обладателем сколь угодно достойных личностных свойств и социальных качеств, чтобы стать «субъектом авторитета». Необходимо, чтобы его «потенциальные объекты» проявили социально-

перцептивную компетентность и выявили эти качества, а затем - правильно оценили их в своем «социально-перцептивном акте» как ценные для себя. Т.е., испытывали актуальную и существенную потребность в них и могли с большой долей вероятности удовлетворить ее посредством этих свойств ! И это – **первое и необходимое условие** формирования «отношения авторитета» между ними.

Второе условие, состоит в том, чтобы «потенциальные объекты авторитета» действительно смогли с помощью «потенциального субъекта авторитета» **решить свои актуальные проблемы**, которые самостоятельно они не могли решить из-за дефицита своих личностных возможностей. Следствием этого будет **признание ими «потенциального субъекта авторитета» в качестве «реального субъекта авторитета»** ! И это – **второе и достаточное условие** формирования «феномена авторитета личности».

3) Между сторонами сформированного «отношения авторитета» постоянно происходит «перцептивно-оценочный обмен», в котором «объекты авторитета» получают информацию о состоянии личностных свойств «субъектов авторитета», а «субъекты авторитета» - об изменении реакции на них «объектов авторитета». Поскольку свойства личности «субъектов авторитета», как и оценки их «объектами авторитета», подвержены изменениям под влиянием различных личностных и социальных факторов, жизненных обстоятельств.

В стадии формирования «феномена авторитета» этот «обмен» играет особенно значимую роль, инициируя «отношение авторитета» и определяя его становление. Он более актуален для «объектов авторитета», чем для их «субъектов» по причине **более высокой критичности** первых к свойствам личности вторых. А **в его «зрелой стадии»** он может быть сильно ослаблен, поскольку существенно снижается **критичность «объектов авторитета»** к своим «субъектам» - они им полностью доверяют и безоговорочно принимают их в этом качестве ! Тем не менее, «информационный обмен» всегда присутствует как «всевидящее око» с обеих сторон «отношения авторитета», отслеживая их взаимные изменения. Это обеспечивает **динамику развития «отношения авторитета»** - от его зарождения до угасания и исчезновения, укрепляя или ослабляя «феномен авторитета личности».

4) Побудительное воздействие «субъектов авторитета» на нас как «объектов авторитета» бывает возможно и происходит потому, что «субъекты авторитета», обладая свойствами, ценными для нас, **удовлетворяют наши существенные социальные потребности**: научные, производственные, эстетические и т.д. ! Именно необходимость удовлетворения этих потребностей и наше убеждение, что это будет обязательно достигнуто, являются той

неодолимой силой, которая понуждает нас добровольно и с полным доверием принимать побудительное воздействие «субъектов авторитета». Не принуждение, не насилие, не угроза применения насилия или принуждения, что характерно, как мы видели, для «феномена власти», а именно, удовлетворение «объектами авторитета» своих существенных социальных потребностей с помощью ценных для них качеств «субъектов авторитета»!!! И это – **первичное и необходимое условие побудительного воздействия «феномена авторитета»** на членов социальной группы, выясненное в нашем исследовании (Степкин Ю.П., 1976, 2013, 2015). В дальнейшем оно будет осуществляться посредством психологических феноменов убеждения, внушения, подражания, психического заражения, что ранее выявили исследования В.М. Бехтерева, А.Г.Ковалева, В.Н. Куликова(Бехтерев В.М., 1908;; Ковалев А.Г., 1964; Куликов В.Н., 1974), и что было подтверждено в нашем исследовании(Степкин Ю.П., 1976; 2015).

5) Определения «феномена авторитета личности»:

5.1) Авторитет личности в начальной стадии его формирования есть функция двух переменных : объективных свойств личности «потенциального субъекта авторитета» и нашей оценки этих свойств в рамках «ценностного отношения». В рамках этого отношения «потенциальный субъект авторитета», являясь объектом нашего «оценочного отношения», становится для нас ,при определенных условиях, «реальным субъектом авторитета». Эти условия - высокая оценка его свойств «объектами авторитета». Особенность : Высокая критичность «потенциальных объектов авторитета» к личностным свойствам их «субъектов».

5.2) Авторитет личности в «зрелой стадии» - это интегративное социально-психологическое свойство признанного(зрелого) субъекта авторитета, приобретаемое его личностью в процессе общения и деятельности с другими людьми и совершенствовании своего «личностного потенциала». Оно обладает способностью изменять психологические структуры объектов авторитета : их мнения, взгляды, социальные установки, поведение,- психологическими средствами : убеждения, внушения, подражания, психического заражения,- в силу того значения, какое его личность имеет для них как носитель социально-ценных свойств в данной социальной группе(Степкин Ю.П., 1976, 2012, 2015, 2019). Особенность : критичность «объектов авторитета» к свойствам- ценностям «субъектов авторитета» минимальна, но присутствует постоянно, как «недремлющее око», корректируя «отношение авторитета» между ними.

6) Популярное пояснение к научно обоснованному «психологическому механизму»

формирования «отношения авторитета личности»

Предположим, что некий специалист пытается решить какую-то важную задачу и не может это сделать собственными силами. Ему не хватает знаний или способностей для ее решения, *дефицит* которых встречается довольно часто. И он *испытывает актуальную потребность* в помощи более компетентного в данной проблеме человека! У него *формируется образ такого человека, т.е., ценностная установка, под влиянием которой он ищет его*. И когда, как ему кажется, он *находит такого специалиста, то оценивает его профессиональные и личные качества, сопоставляя их со своей ценностной установкой, становясь, таким образом, «потенциальным объектом авторитета»*. А его «визави» начинает выступать для него в роли «потенциального субъекта авторитета», о чем последний может и не догадываться.

И здесь происходят два важных события, определяющих формирование «отношения авторитета» между ними. **Первое - предварительное**, когда «потенциальный объект авторитета» обнаруживает, что его *ценностная установка и оценка им личностных свойств «потенциального субъекта авторитета» тесно коррелируют между собой*. Полной уверенности в этом у него пока еще нет, но опираясь на такое открытие, *он принимает помощь* этого человека, ставшего теперь для него *экспертом в его проблеме*. Здесь большое значение имеет *социально-перцептивная компетентность «объекта авторитета»*, позволяющая ему с высокой степенью вероятности распознать такого человека. **Второе и основное событие** происходит тогда, когда *задача оказывается решенной с помощью этого эксперта и, следовательно, познавательная потребность «потенциального объекта авторитета» оказывается удовлетворенной*. Он, естественно, *проникается доверием к нему и после серии удачных решений может признать* данного специалиста *авторитетным для себя* в той или иной мере. Но теперь он выступает в роли «**реального объекта авторитета**», а его визави – в роли «**реального субъекта авторитета**». Отметим, что все эти психологические процессы носят *вероятностный, относительный* характер, как, впрочем, и все другие процессы познания людьми друг друга, поднимаясь от предположений до правильного понимания их объективных свойств.

Но зависимость между *реальными субъектами и объектами сформированного «отношения авторитета»* весьма изменчива. «Субъект авторитета» останется в этой роли до тех пор, пока он будет оцениваться «объектами авторитета» в качестве *носителя социально ценных для них свойств и удовлетворять их существенные социальные потребности*. И он перестанет им быть, если это условие не станет выполняться! Некоторым особняком стоит, так называемый,

отраженный или наведенный авторитет, когда мы начинаем считать кого-то авторитетным для себя *под влиянием членов нашей референтной группы*, не зная лично этого человека. Например, великого ученого или писателя прошлой эпохи, о которых рассказал нам уважаемый учитель в школе или профессор в ВУЗе.

7) Роль «феномена авторитета личности» как регулятора межличностных отношений в Социуме. Под его влиянием уточняются наши представления о реальных «ценностях жизни», что способствует нашей лучшей адаптации в «Социуме» и большей успешности в нем. *Авторитетный человек выступает для нас в качестве носителя общественно полезных «ценностей» и «моральных норм», как «эталон правильного поведения» и, в силу этого, как образец для подражания и регулятор межличностных отношений в разных социальных группах*. Под его *благодарным влиянием* мы «очищаем» наши «ценностные структуры» от ложных наслоений. И более адекватно и глубоко начинаем воспринимать и понимать жизнь, более целесообразно вести себя в ней (Степкин Ю.П., 1976, 2012, 2015, 2019).

Этого нельзя сказать о субъекте «негативного авторитета», который воспринимается членами социальной группы как носитель «негативных ценностей» и на этом основании отвергается членами социальной группы. Его пример показателен в том плане, что нельзя стать «субъектом авторитета», если члены социальной группы не видят в вас высоко ценимых ими личностных свойств – при всем вашем «личностном потенциале». Здесь важно не то, что вы есть на самом деле, а *как вас воспринимают и оценивают!* Иначе говоря, «феномен авторитета личности» подвержен **репутационным влияниям**, подчас, самым негативным, что может препятствовать образованию его «позитивной формы».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Мы рассмотрели некоторые важные аспекты «проблемы авторитета личности». Изучили его природу и сущность, личностные основания и социально - психологическую детерминацию, причины и формы побудительного воздействия на психику и поведение людей, его реальные проявления в ролевом взаимодействии субъектов деятельности и общения. Но, конечно же, остались еще не поднятые пласты этой многоаспектной и актуальной во все времена проблемы. Обозначим некоторые из них.

Это - вопросы, относящиеся к *динамике становления и упадка авторитета личности*, например, руководителя или политического деятеля. Его особенности в зависимости от дифференциально - психологических, социальных и демографических характеристик личности, от ее принадлежности к той или иной социальной группе. Наконец, *проблема связи авторитета личности и социальной и психологической нормы*. Субъект «позитивного авторитета» как носитель социально - ценных свойств и норм социальной

системы *имманентно* - по своей сути ! - является *олицетворением социальной нормы*. Она не всегда может совпадать с *нормой психологической*, поскольку «социально – нормальный» индивид может иметь некоторые психологические особенности – акцентуации, что не мешает ему, однако, быть полноценным членом Общества.

Все эти вопросы, как и многие другие, задаваемые древней и вечно молодой «проблемой авторитета», ждут научного исследования и объяснения !

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.,1908.- 175 с.

Бодалев А.А. Личность и общение. М.,«Педагогика»,1983.- 270 с.

Василенко В.А. Ценность и оценка. Киев, 1969.- 110 с.

Гвишиани Д.М. Организация и управление. М., 1970, - 381с.

Дробницкий О.Г. Моральное сознание. Автореф.канд.дисс. М., 1969

Кейзеров Н.М. Власть и авторитет. М.,«Юридическая литература», 1973.- 264 с.

Ковалев А.Г. Взаимовлияние людей в процессе общения и формирования общественной психологии. Учен. зап. ЛГУ. Л.,1964, т. 254., с.74- 81.

Кузьмин Е.С. Основы социальной психологии. Л., ЛГУ, 1967, с. 174

Куликов В.Н. Социально-психологический аспект суггестии. Автореф. дисс. докт. психол. наук. Л., 1974.- 30 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. «Избранные психологические произведения». Т.2. М., «Педагогика», 1983, 318 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.,1960,- 900 с.

Окунь Ян. Факторный анализ. М., 1974, 218 с.

Степкин Ю.П. Исследование авторитета личности как социально-психологического явления. Дисс.канд.псих.наук. Л.,ЛГУ,1976, 245 с.

Степкин Ю.П. Ценностный подход к проблеме авторитета личности.

«Общение как предмет теоретических и прикладных исследований», Л.,1973

Степкин Ю.П. Социально-психологический аспект авторитета личности. «Тезисы докладов к I Всесоюзной научной конференции по психологии управления»,ч.1. Академия МВД СССР, Институт психологии АН СССР. М., 1979

Степкин Ю.П. Авторитет личности психолога (психотерапевта) в психорегулятивной практике.«Вестник психотерапии», №44(49), СПб., 2012

Степкин Ю.П. Феномен авторитета личности. СПб, 2015.- 274 с.

Степкин Ю.П. Социальная психология феномена авторитета личности. СПб., Ж. «Психология человека в образовании», РГПУ им.А.И.Герцена, т.1, № 3, 2019, с. 249-257.

Трусов В.П.. Социально-психологические исследования когнитивных процессов. - Л. : Изд-во ЛГУ, 1980, 144 с.

Тугаринов В.П. Личность и общество. М., 1965, 191 с.

Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. Л.,ЛГУ, 1968.- 124 с.

Украинцев Б.С. Самоуправляемые системы и причинность. М. Из-во «Мысль», 1972, - 254 с.

Фортунатов Г.А., Петровский А.В. Проблема потребности в психологии личности. «Вопросы психологии»,1956, № 4

Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов.М.,1973, - 212 с.

Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., «Наука», 1979, - 244 с.

Festinger L. A theory of cognitive dissonance. USA, Stanford University Press, 1957, 291 p.

Kellmann H.H. Three processes of acceptance of social influence: compliance, identification and internalization. //J." Papers and Meetings of the Amer. Psychol. Assoc"., Aug., Washington, 1956.- p. 31-37.

Реферат. В статье подробно, на основании проведенных автором теоретических исследований, изложена авторская «Концепция формирования феномена авторитета личности как социально- психологического явления», подтвержденная результатами его конкретных социально-психологических исследований.

Ключевые слова. Авторитет, личность, отношение авторитета, формирование «феномена авторитета личности», внушение, подражание, убеждение, психическое заражение, ценность, побудительное воздействие, социально-психологические исследования.

Адрес : 188300, Ленобласть, г. Гатчина, ул. 7-ой Армии, дом 10, кв.10. Степкину Ю.П. Моб. тел.: +7 950 013 02 97

Об авторе : Степкин Юрий Петрович, социальный и медицинский (клинический) психолог, кандидат психологических наук

29 декабря 2022 г.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.13

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Александрова Людмила Анатольевна

кандидат юридических наук

доцент кафедры

судебной деятельности и уголовного процесса

Уральского государственного юридического университета

имени В.Ф.Яковлева

г. Екатеринбург, Россия

Смирнов Сергей Андреевич

Уральский государственный юридический университет

имени В.Ф.Яковлева

г. Екатеринбург, Россия

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.85.307

Аннотация: в статье раскрывается проблема обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства не только на протяжении досудебных стадий, но и в суде первой инстанции. Применение норм, обеспечивающих нормальное участие свидетеля, потерпевшего, лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве в процессе по уголовному делу усложняется отсутствием логической связи с другими институтами уголовно-процессуального права, обеспечивающими достижение цели уголовного судопроизводства. Недостаточна и взаимосвязь с основными положениями – принципами отрасли права, согласно которым действует режим благоприятствования защите, позволяющий раскрывать засекреченные данные по требованию соответствующей стороны. Тем не менее, данная статья не претендует на пересмотр аксиом и системы принципов уголовно-процессуального права. Авторы предложили своё видение восполнения пробелов в регулировании отношений, возникающих при необходимости гарантировать безопасность участников производства по уголовному делу, алгоритм действий следователя и судьи, позволяющий обеспечить установление всех обстоятельств совершенного преступления и право на доступ к правосудию. В связи с этим точно раскрываются вопросы, связанные с нарушениями, возникающими при осуществлении процедуры засекречивания свидетелей на стадии предварительного следствия. Рассматриваются методы, позволяющие предупреждать нарушения, возникающие на стадии предварительного следствия при реализации процедуры засекречивания свидетелей. Анализируются нормы, предписывающие определенные действия судьи при поступлении ходатайства защитника о рассекречивании данных о свидетеле и предлагаются дополнительные гарантии его безопасности. Описываются варианты решения проблемы с точки зрения судебной практики – как отечественной, так и международной. Основой исследования являются положения теории уголовного процесса.

Ключевые слова: следственные действия, уголовный процесс, уголовное дело, засекречивание свидетелей, защита заявителя, доказательства, ходатайство защитника, действия следователя, решение судьи, проблема закрытого конверта.

Процедура засекречивания свидетелей появилась в УПК РФ в 2002 году, порядок её применения отражён и в федеральном законодательстве¹. Основные способы обеспечения безопасности содержатся в ч.9 ст.166, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 ч.5 ст. 278 УПК РФ, однако более подробный алгоритм содержится в ч.9 ст.166 УПК РФ:

1) свидетель или потерпевший устно или путём подачи заявления доводит до следователя информацию об угрозе жизни или здоровью, в случае подтверждения которой следователь не приводит паспортные данные заявителей в

процессуальных документах уголовного дела. Об этом он с согласия руководителя следственного органа выносит мотивированное постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении данных в тайне;

2) постановление помещается в конверт, приобщается к уголовному делу и хранится при условиях, исключающих возможность ознакомления с ним иных участников судопроизводства, в самом постановлении указываются настоящие данные свидетеля, ставится печать следователя;

¹ Федеральный закон от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ "О государственной защите потерпевших,

свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" // "Парламентская газета", N 155-156, 25.08.2004.

3) по поступившему в суд делу судья принимает решения о допросе свидетеля в условиях секретности, то есть исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного заседания (ч.5 ст.278 УПК РФ). В этом случае должно быть вынесено постановление о допросе засекреченного свидетеля без оглашения его настоящих данных.

С постановлением, вынесенным следователем в порядке с.9 ст.166 УПК РФ, участники судопроизводства ознакомиться не имеют возможности, но содержание показаний засекреченного лица им станет известно в процессе выполнения следователем ст.ст.115-118 УПК РФ.

Тем не менее, остаётся риск нарушения порядка обеспечения безопасности, что может повлечь существенное ограничение прав участников производства по уголовному делу. Исследование проблемы позволило предложить правила – механизм, обеспечивающий работу предложенных законодателем мер безопасности.

1. Действительное наличие угрозы жизни и здоровью свидетеля (потерпевшего) должно подтверждаться материалами уголовного дела, иначе засекречивание будет неправомерным. Необходимость применения мер безопасности может быть удостоверена результатами контроля и записи телефонных и иных переговоров в порядке ч.2 ст.186 УПК РФ. Для исключения злоупотреблений стороны, заинтересованной в незамедлительном доступе к содержанию передаваемых сведений, в материалах дела должны быть как протокол допроса лица, в адрес которого поступали угрозы, оформленный с использованием псевдонима, так и его письменное заявление. Последнее должно быть помещено в закрытый конверт вместе с постановлением следователя о применении ч.9 ст.166 УПК РФ.

2. При нарушении целостности конверта теряется смысл применённых мер безопасности. Засекречивание возможно на стадии предварительного расследования с момента подачи заявления свидетелем или потерпевшим информации об угрозах жизни (здоровью). Обвиняемому и его защитнику о наличии соответствующего постановления становится известным во время ознакомления с уголовным

делом в порядке ст.216 УПК РФ. Сторона защиты также может подать ходатайство об ознакомлении с материалами при поступлении уголовного дела в суд (ч.3 ст.227 УПК РФ). Уголовно-процессуальный закон не рассматривает ситуацию, когда защитник или обвиняемый вскрывают при этом конверт и узнают сведения о засекреченном лице, хотя ч.3.1 ст.227 УПК РФ предписывает судье исключить такую возможность. В этом случае нельзя не согласиться с Л.В. Брусницыным, который считает, что «не следует вшивать конверт с постановлением в уголовное дело и нумеровать его как очередной лист либо приклеивать его к внутренней стороне обложки дела»². Думается, стоит создать специальный механизм, который предусматривает порядок рассекречивания сведений исключительно для адвоката-защитника с получением его расписки о неразглашении и предупреждении об ответственности по ст.311 УК РФ. Тем более что уголовно-процессуальный закон оставляет на усмотрение судьи разрешение ходатайства стороны о раскрытии данных допрашиваемого лица (ч.6 ст.278 УПК РФ).

3. Как известно, поступление угроз обвиняемого в адрес участников уголовного судопроизводства является одним из оснований применения к нему меры пресечения, либо замены более мягкой меры на заключение под стражу. При этом следователь, доказывая свою позицию в суде, должен предоставить, кроме ходатайства, подтверждающие материалы, а у защиты появляется возможность с ними ознакомиться путем подачи ходатайства – такая позиция была высказана Конституционным Судом РФ³ и подтверждена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года N 41⁴. Процессуальные меры, принятые для обеспечения безопасности участника производства по уголовному делу, придают засекреченным данным статус сведений, охраняемых законом. Конституционный Суд учёл это в одном из своих определений, отметив необходимость их особой защиты⁵. Поиску баланса прав лица, безопасность которого необходимо обеспечить, и защитника обвиняемого при ознакомлении с материалами дела была посвящена статья Н.В. Азарёнка и А.А. Давлетова⁶. Нельзя не согласиться с позицией

² Брусницын Л.В. Допрос под псевдонимом / Л.В. Брусницын // Законность. 2003. № 1. С. 28

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. №11-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова // "Вестник Конституционного Суда Российской Федерации", 2000 г., N 5

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде

заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. 2013. 27 декабря.

⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2003 г. №173-О по Жалобе гражданина Ковалева Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 47 и 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // "Вестник Конституционного Суда Российской Федерации", 2003 г., N 5.

⁶ Азарёнок Н.В., Далетов А.А. Пределы ознакомления защиты с материалами, представленными в суд для решения вопроса о применении меры пресечения в виде заключения

авторов о необходимости определения документов, не подлежащих предоставлению для ознакомления участникам судопроизводства до окончания предварительного расследования. В случаях применения ч.9 ст.166 УПК РФ можно было бы использовать предложенный подход, в том числе, и на судебных стадиях судопроизводства.

3. Сведения об одном и том же свидетеле могут отражаться в различных документах по-разному: в одних может быть указан псевдоним, в других – его полные данные. Например, на стадии предварительного следствия он может открыто принять участие в производстве следственных действий, а на стадии судебного заседания могут понадобиться меры безопасности. Это может случиться и в случаях соединения уголовных дел, когда по одному из них лицо выступало свидетелем открыто, а по другому – было засекречено.

Получается, что при соединении уголовных дел в порядке ст. 153 УПК РФ в отношении свидетеля не перестают применяться меры обеспечения безопасности в рамках производства по одному из дел. Необходимо отметить, что в таком случае требуется проведение процедуры, предусмотренной ч.9 ст.166 УПК РФ, по объединённому делу в целом.

4. Отнесение следователя, дознавателя, прокурора к стороне обвинения обусловило подход к их деятельности как к односторонне-обвинительной. При этом сложно не согласиться с позицией А. Рязанцева: сохранение в тайне личных данных свидетелей, допрашиваемых в условиях секретности, ограничивает право обвиняемого на защиту, поскольку им не может быть произведена оценка достоверности и правильности получения таких показаний⁷. Засекречивание может быть использовано органами предварительного расследования с целью формирования обвинительного уклона в суде и получения нужных следствию показаний.

Говоря о зарубежной судебной практике применения процедуры засекречивания свидетелей, в качестве примера можно привести решения ЕСПЧ.

По делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» от 23 апреля 1997 года анонимно было допрошено четверо полицейских, участвовавших в задержании подсудимых, грабителей почты в Оирсчоте. Свидетели давали показания под номерами, утверждали, что в случае раскрытия их имён они больше не смогут выполнять свои обязанности надлежащим образом. ЕСПЧ постановил, что проведение допроса свидетелей, личность которых оставалась анонимной, и показания которых не были

заслушаны публично, нарушает право на справедливое и публичное судебное разбирательство, т.е ст.6 п.1 и 3 (d) Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁸.

По делу «Люди против Швейцарии» от 15 июня 1992 года полиция Лауфена и специальное подразделение против торговли наркотиками поручили одному из своих агентов выдать себя за потенциального покупателя кокаина. После встреч с этим агентом заявитель был арестован и обвинен в торговле наркотиками. Суд в своём решении отметил, что признание заявителя виновным было основано на письменных донесениях агента, сами доказательства должны были быть предоставлены подсудимому на публичном заседании с целью обеспечения состязательности процесса. Примечательно, что сам агент отказался давать показания публично, суд посчитал это нарушением права заявителя на справедливое и публичное судебное разбирательство⁹.

По делу «Костовски против Нидерландов» от 20 ноября 1989 года после совершения вооруженного нападения на банк в г. Баари в полицию явились два человека, рассказавшие, кто совершил преступление. Они предпочли не раскрывать свои личности по причине опасений за свою жизнь и возможную месть со стороны преступников. Стороне защиты была предоставлена возможность задать письменные вопросы свидетелю, но на большинство вопросов не был дан ответ с целью сохранения анонимности. Защита заявила о нарушении права подзащитного на публичное и справедливое судебное разбирательство вследствие невозможности допроса свидетелей публично. Суд постановил, что в судебном заседании должна быть возможность допроса анонимных свидетелей в публичном порядке¹⁰.

Исходя из анализа решений можно сделать вывод о конкуренции права на состязательное и открытое судебное разбирательство с правом на обеспечение безопасности участников судопроизводства. Отметим, что конфиденциальность может быть оправдана только случае действительной угрозы участнику судопроизводства. Очевидно, что ЕСПЧ отдаёт предпочтение принципу состязательности сторон, гарантирующему право подсудимого на справедливое и публичное судебное разбирательство. При этом может пострадать публичность уголовного процесса как отрасли права, а доступ потерпевшего к правосудию – ограничен. Проблему можно решить, применив предложенный порядок рассекречивания с

под стражу // Российский Следователь. 2016 г. № 15. С.8-12.

⁷ Рязанцев. А. Защита с «неизвестными» / А. Рязанцев // Новая адвокатская газета. 2017. - № 5. - С. 10

⁸ Сайт ЕСПЧ // URL: <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=applications/rus&c> // (дата обращения: 13.09.2022)

⁹ Там же

¹⁰ Там же

предупреждением адвоката-защитника об ответственности по ст.311 УК РФ.

5. Вопросы вызывают и процессуальные пределы применения мер безопасности к участникам судопроизводства. Согласно действующему УПК РФ обеспечение сохранности данных личности в целях безопасности осуществляется в соответствии с ч.1.1 ст.144 УПК РФ на стадии возбуждения уголовного дела. Известно, что на сегодняшний день существует проблема, при которой свидетель или потерпевший пребывают в таком процессуальном статусе лишь с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, свой статус они обретают в силу положений ч.1 ст.42 УПК РФ и ч.1 ст.56 УПК РФ. Выходит, что к потерпевшему или свидетелю до момента возбуждения уголовного дела не может быть применена процедура засекречивания. Думается, для решения данной проблемы следует применять нормы уголовно-процессуального права по аналогии. Часто таким способом осуществляются следственные действия на стадии возбуждения уголовного дела, хотя регламентируются они только с учетом факта наличия лиц, наделенных процессуальным статусом. В таком случае можно получить уголовные дела, в которых данные всех участников стороны обвинения, а также – заявителя, очевидцев – будут зашифрованы. Однако, согласно требованиям ст.141 УПК РФ заявление о совершении преступления не может быть анонимным. При этом поводом к возбуждению уголовного дела может стать рапорт сотрудника правоохранительного органа, проверившего сведения, поступившие из негласного источника.

Положения ч.1-2, ч.5 ст.2 Федерального закона от 20.08.2004 N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹¹ предусматривают

обеспечение безопасности широкого круга лиц, так или иначе имеющих отношение к производству по уголовному делу, в том числе: осужденные, оправданные, а так же лицо, в отношении которого уголовное преследование либо уголовное дело было прекращено. В свою очередь до возбуждения уголовного дела меры государственной защиты могут быть также применены в отношении заявителя, очевидца или пострадавшего от преступления либо иных лиц, которые способствуют раскрытию преступления. Осуществление таких мер в некоторых случаях охватывается понятием «государственная безопасность», что свидетельствует о значении обозначенных проблем и необходимости их решения.

С этой целью предлагается внести в действующий Уголовно-процессуальный кодекс следующие изменения:

1) создание специального порядка рассекречивания исключительно для адвоката-защитника с получением его расписки о неразглашении и предупреждением об ответственности по ст.311 УК РФ.

2) внести изменения в ч.1 ст.72 УПК РФ, предусмотрев основания для отвода защитника в случае, когда тот отказывается предоставить подписку о неразглашении с последующей ответственностью, поскольку он не сможет в полной мере осуществлять правовую помощь подзащитному.

3) Внести изменения в ст.153 УПК РФ в виде нормы, предусматривающей распространение мер безопасности на весь объем материалов, касающихся участника, безопасность которого необходимо обеспечить после соединения уголовных дел. В случаях же, когда в деле имеются документы, где данные свидетеля уже раскрыты, например в одном из соединенных дел.

¹¹ Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей

и иных участников уголовного судопроизводства» // "Парламентская газета", N 155-156, 25.08.2004.

THE EVOLUTION OF CONDITIONAL RELEASE IN FINNISH LAW (1889-2015)**Olga Sergeevna Velikaya***D. in law,**Associate Professor at the Civil Law**Department**D. in Law, Associate Professor of the Civil Law Department,**St. Petersburg State University of**Colonel of the Internal Service of the**Ministry of Emergency Situations of Russia***ЭВОЛЮЦИЯ УСЛОВНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ В ПРАВЕ ФИНЛЯНДИИ (1889 – 2015 ГГ.)****Великая Ольга Сергеевна***кандидат юридических наук,**доцент кафедры гражданского права**Санкт-Петербургского университета Государственной**противопожарной службы МЧС России, полковник внутренней службы*DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.85.309

Abstract: The paper examines the regulatory components of the evolution process of the institution of conditional release in Finnish law on the basis of the Criminal Code of 1889. (with additions and amendments to existing legislation) were the Acts on Community Service (1055/1996), the Juvenile Punishment Act (1196/2004), the Parole Supervision Act (782/2005), the Supervision of Probation Sanctions Act (330/2011). However, their successive adoption led to the fact that by early 2015 the institute of parole and probation became an unregulated system of rules and regulations, essentially operating in a single direction, but extremely complicated due to inconsistency of the above-mentioned legislative acts among themselves.

Аннотация: Исследованы нормативно-правовые составляющие процесса эволюции института условного освобождения в праве Финляндии на основе Уголовного кодекса 1889 г. Выявлено, что его основными составляющими в период 1996-2014 гг. (с учетом дополнений и изменения к действовавшему законодательству) стали законы «Об общественных работах» (1055/1996), «О наказании несовершеннолетних» (1196/2004), «О надзоре за условно-досрочно освобожденными» (782/2005), «О надзоре за условным лишением свободы» «О надзорных санкциях» (330/2011). Однако, их последовательное принятие привело к тому, что институт досрочного и условного освобождения к началу 2015 г. стал представлять собой неурегулированную между собой систему норм и правил, по сути, действующую в едином направлении, однако чрезвычайно усложненную за счет несогласованности упомянутых законодательных актов между собой.

Keywords: institution of parole, Finland, legal framework, laws, evolution.

Ключевые слова: институт условно-досрочного освобождения, Финляндия, правовая база, законы, эволюция.

Постановка проблемы. В условиях усложняющихся задач, стоящих обществами различных стран и их объединений, законодательских органов, систем исполнения наказаний, применение и исполнение альтернативных тюремному заключению решений суда требует, как более активного, так и весьма осторожного применения, в том числе и в Российской Федерации. Изучение такой теории и практики, их наиболее удачных сторон и решений на примере соседних стран является неотъемлемой частью этого процесса.

Об этом также свидетельствуют многочисленные публикации, как собственно финляндских [1-9], так и отечественных исследователей [16-21], теоретиков, практиков.

Одновременно с этим, в финляндской, зарубежной и отечественной литературе, исследованиях отсутствует комплексный анализ системы нормативно-правовых актов, принятых действовавших в данной стране в 1996-2015 гг. Не установлено не только их сильные и слабые

стороны, но и причины, приведшие к их отмене и принятию в 2015 г. нового комплексного законодательного акта.

Целью статьи является выявление, анализ и краткое изложение норм, содержащихся в нормативных актах Финляндии в изучаемый период, регулирующих различные вопросы правовой и практической организации условно-досрочного освобождения, меры контроля его исполнения, реализации. Выявление причин, приведших к замене данных нормативных актов.

Изложение основного материала. Финское законодательство находилось под влиянием Англии и Ирландии [1, с. 159-162; 2, с. 167-171]. Условное освобождение было введено в действие в Великом княжестве Финляндском в 1889 г., и на первом этапе оно применялось только к заключенным, отбывающим длительные сроки заключения. По мнению Хенрика Линденборга [3], в данном случае система изменилась, поскольку ранее осужденный полностью отбыл наказание. Впервые в Финляндии можно было выйти условно-

досрочно. В то время не было ни фактической организации контроля, ни возможности для практического осуществления надзора. Согласно исполнительному указу, заключенный, приговоренный к лишению свободы на срок не менее трех лет, может быть освобожден после отбытия не менее трех четвертей срока или не менее двенадцати лет пожизненного заключения. Кроме того, от заключенного требовалось безупречное поведение, а также знать, что после освобождения у него есть честный заработок [4, с. 26]. С изменением законодательства внимание также было обращено на ужасные условия содержания в тюрьмах в Финляндии. В этих условиях в 1869 г. было основано Финское пенитенциарное общество (Suomen Vankeusyhdistys). Идеология ассоциации была либеральной, поскольку общество не было обязано помогать, ассоциация стремилась помочь освобожденным на основе религиозной идеологии и волонтерства. Цель ассоциации состояла в том, чтобы организовать уход за освобожденными из мест лишения свободы, чтобы в состоянии предотвратить рецидив. (В истории условно-досрочного освобождения в Финляндии было много поворотных моментов. Добровольный надзор за осужденными начался в начале XX в. В общем обосновании предложения правительства (2004, 4) указывается, что объем условно-досрочного освобождения расширился после Гражданской войны 1918 г. [5, с. 28].

Наряду с амнистиями, условно-досрочное освобождение использовалось для ликвидации лагерей красных. Государственные уголовные заключенные были освобождены после того, как они отбыли половину срока наказания в соответствии с условиями отдельного закона. Финская тюремная ассоциация, предшественница Ассоциации защиты преступников, не ориентировала свою деятельность на тех [6, с. 43-44].

По мнению Джоаны Хунтала, работа по добровольному наблюдению началась в Финской тюремной ассоциации в 1920-х годах [6, с. 73]. Ассоциация официально осуществляет надзор за условно-досрочно освобожденными с 1931 г. В том же году самый ранний срок условно-досрочного освобождения был сокращен до двух третей срока для обычных заключенных. В 1944 г. условно-досрочное освобождение было продлено, так что 1/2 суммы можно было применить к впервые заключенному.

С 1949 г. деятельность в трудовых лагерях была связана с условно-досрочным освобождением, если в противном случае выживание после условно-досрочного освобождения не было гарантировано [7, с. 19]. В Финляндии полицейское управление в основном отвечало за надзор за условно-досрочно освобожденными до 1989 г. Полиция занималась примерно 55-65% контроля [8, с. 19]. Комитет уголовного правосудия предложил отменить всю

систему надзора за условно-досрочным освобождением в 1970-х годах [9, с. 36].

С идеями об отмене надзора стояла мысль о том, что принуждение не подходит для надзора за условно-досрочно освобожденными. Это означало цель недопущения рецидивизма в законе. Предполагалось, что новые преступления можно предотвратить с помощью слежки. В то время ассоциация по уходу за преступниками подчеркивала важность социальных услуг, которые помогли бы человеку, находящемуся под надзором, выжить на свободе. Закон был полностью реформирован в 1975 г. В связи с реформой было указано, что классификация заключенных по прогрессивной системе и постепенное усиление исполнения наказаний не могут повлиять на успех заключенных на свободе. Однако условно-досрочное освобождение сохранилось в системе правоприменения [5, с. 29; 9, с. 27]. В предложении правительства 126/1975 говорится, что условно-досрочное освобождение является средством, с помощью которого, не ставя под угрозу универсальность пенитенциарной системы, могут быть уменьшены недостатки и расходы, связанные с исполнением наказания. В общем письме, опубликованном в 1976 г. (275/12/12), подчеркивалось, что установление надзора должно носить дискреционный характер. Потребность в надзоре оценивалась по необходимости высвобождения поддержки и контроля. Для профилактики рецидивов обращалось внимание, в процессе имел значение и возраст освобождаемого. Согласно общему письму, с точки зрения обращения с заключенными, помещение под надзор повторно заключенного было оправданным, вместо этого не следует помещать под надзор вновь заключенного. В Финляндии преступник, впервые совершивший преступление, освобождается условно-досрочно после отбытия половины срока, а рецидивист – после отбытия 2/3 срока. Молодой правонарушитель находится в тюрьме только 1/3 своего срока. В Финляндии условно-досрочно освобожденное лицо помещается под надзор, если преступление было совершено в возрасте до 21 года, испытательный срок составляет более одного года или сам заключенный просит надзора. Относительное количество лиц, назначенных для надзора, сильно различается. Еще в 1980 г. надзор был назначен почти за половину освобожденных заключенных, то есть 2730. Число уменьшалось до 1992 г., когда 15% освобожденных были поставлены под надзор. (Ассоциация уголовной помощи, 1986–2000 гг.)

Новый этап в истории правового регулирования условно-досрочного освобождения Финляндии начался с принятием в 1996 г. закона об общественных работах. Им устанавливалось, что такие работы – это наказание, которое могло быть назначено вместо безусловного тюремного заключения. Оно включало в себя минимум 20 и максимум 200 часов регулярной, неоплачиваемой работы под наблюдением. Поправкой 2010 г.

(24.06.2010/641) предусматривалось дополнительное время для снижения риска рецидивизма или проблем со злоупотреблением психоактивными веществами у осужденного. Назначение к общественным работам регулировалось положением, в том числе и 13.6.2003/538.

За осуществление общественных работ отвечает Агентство по уголовным санкциям, а исполнение отдельного наказания за общественные работы особое лицо, которому мог назначаться помощник имеющие специальное образование.

В обязанности руководителя входили: 1) подготовка и уведомление осужденного о плане выполнения и графике общественных работ; 2) надзор за выполнением общественных работ путем поддержания связи с осужденным и организатором места службы, посещения места службы; 3) уведомление должностного лица Агентства которое решало, какие именно меры следовало быть приняты в ответ на нарушение обязательств или правил, и готовить отчет по данному вопросу о нарушении обязательств или положений, возложенных на осужденного (пар. 3). Особо устанавливались задачи помощника руководителя

Для оценки эффективности общественных работ Агентство представляло доклад об пригодности. При этом, положения об оценке пригодности были изложены в особом постановлении правительства (пар. 4).

Выполнение общественных работ должно было начаться без промедления, и завершаться в течение одного года с даты, когда судебное решение вступило в законную силу, (пар. 5). На основании решения районного суда исполнение общественных работ могло начаться и до вступления приговора в законную силу, если осужденный был согласен на исполнение и удовлетворен приговором.

Закон (пар. 5) также устанавливал случаи, когда Агентство могло отложить или приостановить выполнение общественных работ на определенный срок (материнство, отцовство, болезнь, по закону о военной службе и т.п.), но не более чем на год.

Пар. 7 закона устанавливались требования к заключенному в ходе исполнения общественных работ, касающиеся в основном его поведения, неупотребления алкогольных и психоактивных веществ, с установлением санкций (выговор). В случае грубого нарушения условий исполнения приговора (пар.8), Агентство сообщало о том прокурору и прекращало данный процесс. Прокурор мог предложить заменить общественные работы на заключение.

Параграфом 8а (24.6.2010/641) устанавливался порядок расследования случаев нарушения обязательств. Соответственно пар. 10 предусматривалась процедура в случае перевода в тюремное заключение, а пар. 11 назначение нового тюремного срока. Что правда, пар. 12 (действовал до 16.2.2001) был посвящен вопросам [10].

Закон о наказании несовершеннолетних (21.12.2004/1196) предусматривал, что лицам до 18 лет могло быть установлено наказание несовершеннолетних наказываемым минимум 4 месяцами и максимум одним годом. Такое лицо находилось под надзором в течение всего срока наказания. Наказание несовершеннолетних включало в себя надзорные совещания, задачи и программы, способствующие социальному функционированию, осуществляемому под надзором, а также поддержку и руководство, предоставляемые в связи с ними. Наказание для несовершеннолетних также включало ознакомление с трудовой жизнью и работой под надзором, если только это не считалось явно ненужным или особенно трудным для организации.

Число мероприятий по вынесению приговоров несовершеннолетним, на которых осужденный был обязан присутствовать, не могло превышать 8 ч. в неделю, а количество часов в неделю во время вынесения приговора несовершеннолетним могло варьироваться в зависимости от того, что требуется для приведения в исполнение приговора (пар. 2).

Отдельно предусматривался порядок разработки плана исполнения наказания и его обязательные составляющие (пар. 4); правила его применения и корректировки (пар. 5); возможность реализации приговора до вступления его в законную силу (пар. 6); обязанности приговоренного к наказанию (пар. 12); особенности исчисления срока наказания (пар. 14) [11].

Особый интерес для нашего исследования представляет «Закон о надзоре за условно-досрочно освобожденными» (23.9.2005/782) [12], направленный на оказание поддержки контролируемому лицу в содействии его социального выживания и предотвращения совершения им дальнейших преступлений. Контроль за обеспечением необходимых мер возлагался на Агентство (пар. 2), с назначением соответствующего руководителя и, при необходимости, в помощь ему, супервайзера с соответствующим образованием (пар. 3). Предусматривалось, что заключенный, условно-досрочно освобожденный, помещается под надзор, если: 1) испытательный срок превышал 1 год; 2) преступление совершено в возрасте до 21 года; 3) заключенный сам просит об этом; или 4) заключенный обязался соблюдать условия медицинского лечения, упомянутые в ст. 4 Закона о контролируемой пробации (629/2013), и любое другое обращение и поддержку, связанные с ним. Устанавливались и причины, когда осужденный мог быть исключен из надзора (п. 4).

Надзор включал в себя регулярные встречи между руководителем и контролируемым лицом для мониторинга условий содержания контролируемого лица и изменений в них для улучшения способности супервизируемого брать на себя ответственность и действовать приемлемо для общества. Надзор мог также включать задачи или программы, способствующие социальному

функционированию. Количество контрольных совещаний, а также задач и программ, охватываемых контролем, не должно превышать 12 ч. в месяц, но не должно превышать 30 ч. для контролируемого лица, нуждающегося в особой поддержке и надзоре. Количество часов в месяц во время контроля может варьироваться в зависимости от того, что необходимо для правильного осуществления контроля.

Поднадзорному лицу также должна полагаться помощь в установлении контактов с властями и другими сторонами, необходимыми для организации контролируемой жизненной ситуации, и он или она должны быть направлены на необходимые меры поддержки и услуги.

Более подробное содержание излагалось в плане надзора, составляемым Агентством индивидуально. Если заключенный помещался под надзор на основании п. 4 подраздела 1 ст. 4, то план надзора также должен был включать положения о медицинском лечении и любом другом обращении и поддержке, связанных с ним, а также о надзоре за их соблюдением (пар. 5).

Особо устанавливались обязанности поднадзорного лица (пар. 6) и обязанность врача по предоставлению Агентству необходимой информации (пар. 6а); обязанности руководителя (пар. 7); специфика надзор за употреблением психоактивных веществ (пар. 8); вопросы встреч и приемов поднадзорного лица и его руководителя, полиции (пар. 9); последствия нарушений со стороны поднадзорного режима выполнения обязательств, включающих и прекращение условно-досрочного освобождения по решению суда (пар. 10); специфика отмены контроля за поднадзорным (пар. 11) и иные вопросы, конкретизированный в соответствующем решении правительства (пар. 12-13).

Закон «О надзоре за условным лишением свободы» (24.6.2010/634) устанавливал, что цель условного тюремного надзора заключается в поддержке надзирателя в целях содействия его социальному выживанию, а также предотвращения совершения им дальнейших преступлений (пар. 1), в соответствии с подразделом 2 раздела 10 гл. 6 Уголовного кодекса (39/1889).

Решение о таком надзоре принимал суд и передавал его в Агентство, которое и отвечал за процедуру и ход надзора (пар. 3). После чего немедленно начиналось осуществление надзора (пар. 2). Закон также устанавливал статус супервайзера и его помощника (п. 4); содержание плана надзора и контроля (п. 5), который включал регулярные встречи, задачи, программы; обязанности поднадзорного лица (приходить на встречи, представлять необходимые данные, выполнение приказов руководителя, отказ от чрезмерного употребления алкоголя и одурманивающих веществ и т.п.) (п. 6); обязанности супервайзера и соруководителя, а именно: 1) осуществлять надзор за соблюдением обязанностей, установленных для поднадзорного

лица, и распоряжений, изданных ему в соответствии со ст. 6, 2) при необходимости обратиться к опекуну, попечителю или иному законному представителю поднадзорного лица, 3) поддерживать и направлять надзирателя, 4) уведомлять Агентство о нарушениях статьи 6 или приказов, изданных в соответствии с ней и т.п. (п. 7); специфику борьбы со злоупотреблением психоактивными веществами (п. 8); ответственность контролируемого лица за нарушение обязанностей (выговор, предупреждение, продление надзора) (п. 10); отмена контроля (п. 11); полномочия по принятию решений персонала Агентства (п. 12) и право на информацию Агентства в отношении поднадзорных (п. 13) [13].

И, наконец, в завершение исследования мы обязаны упомянуть «Закон о надзорных санкциях» (8.4.2011/330), принятый в соответствии с разделом 11 а) главы 6 УК (39/1889). Его разработка и принятие были вызваны появлением возможности применения электронных средств слежения, благодаря чему содержанием надзорного приговора стала обязанность осужденного оставаться в своей квартире и участвовать в порученных ему видах деятельности. Наказание за надзор может также приводилось в исполнение в другом подходящем месте, где осужденное лицо находилось на лечении или где оно иным образом находилось (п. 2).

Раздел 3. Обязанность действовать

Законом предусматривалась обязанность приговоренного участвовать в надзорных собраниях, работать, участвовать в профессиональной подготовке, реабилитации, программах действий или других аналогичных мероприятиях, которые поддерживают или способствуют развитию функциональных и социальных способностей осужденного. Предусматривалось не менее 10 и не более 40 ч. работы в неделю, как это предусмотрено в плане выполнения. Обязательство участвовать в работе или другой деятельности могло быть установлено на более высоком уровне, но не более 50 ч. в неделю (п. 3).

Особо оговаривался порядок выход из квартиры (п. 4); новое звучание получили нормы, регулирующие деятельность исполнительных органов (п. 5) и способы контроля, вплоть до посещения квартир осужденных сотрудниками Агентства (п. 6)

Гл. 2 закона «Разъяснение условий надзорного штрафа», устанавливала порядок уточнения предварительных условий и плана реализации (согласие подозреваемого, пригодность помещения, оценка необходимости передвижения вне жилища, оценка личных обстоятельств подозреваемого и его способности отбывать надзорное наказание; сведения о работе, реабилитации, количестве перемещений и т.п.) (п. 7); порядок определения предварительных условий и составления плана реализации (п. 8).

В свою очередь, в гл. 3 «Приведение в исполнение контрольного приговора», предусматривались процедуры уточнения детального плана внедрения (п. 9), внесение в него поправок (п. 10), срок отбывания надзорного наказания и его расчет (максимум до 1 года и 6 мес.) (п. 11); начало исполнения (п. 12) и общие обязанности осужденного (п. 13); лечение без одурманивающих веществ, в том числе с запретом их употребления в течение приговора (п. 14-15); проверка безопасности (досмотр, его условия и последствия) (п. 16); порядок разрешения и использование временного отклонения от обязанности участвовать в деятельности или пребывать в квартире (п. 17); последствия нарушения обязательств (п. 18), в том числе грубое (п. 19); временное приостановление исполнения надзорного приговора (п. 20); оформление приостановления исполнения приговора (п. 21); условно-досрочное освобождение (п. 24) и, конечно, процедура перевода заключенного в тюремное учреждение (п. 26 гл. 4). Нормы, в отношении супервайзер, соруководителя и принятия решений излагались в гл. 5 и были близки к положениям рассмотренных выше законов, с необходимыми дополнениями и изменениями.

Особо следует упомянуть полученное Агентством право и обязанность организовывать централизованный надзор за исполнением надзорных приговоров на национальном и региональном уровнях; закупать и заключать соглашения о центральных контрольных информационных системах, их обслуживании, а также техническом надзоре за информационной системой и услугах по отправке, приему и передаче сигналов тревоги у частного поставщика услуг, если это необходимо для выполнения задачи; обязанность обеспечить, чтобы сотрудники имели необходимую подготовку и опыт для выполнения этой задачи; осуществлять надзор за целесообразностью операций и отвечает за обеспечение надежного и профессионального осуществления централизованного надзора; его право принимать решение о раскрытии документов, полученных в результате централизованного контроля (см. Закон об открытости государственной деятельности (621/1999) (п. 33).

Особо следует упомянуть и о том, что если лицо, приговоренное к надзору, не могло быть найдено и его место пребывания не могло быть идентифицировано, то Агентство должно было выдать ордер на обыск осужденного. В ордере на обыск осужденному рекомендуется обратиться к судебному приставу для исполнения надзорного приговора не позднее установленного срока. В ордере на обыск указывается, что в противном случае будет начато разбирательство по преобразованию наказания за надзор в безусловное лишение свободы (п. 34) [14].

Выводы и предложения. Как видно из представленного материала, нормативно-правовая

база Финляндии, сложившаяся в период 1996-2014 гг. (с учетом дополнений и изменения к действовавшему законодательству) и представленная законами «Об общественных работах» (1055/1996), «О наказании несовершеннолетних» (1196/2004), «О надзоре за условно-досрочно освобожденными (782/2005), «О надзоре за условным лишением свободы» «О надзорных санкциях» (330/2011), в результате стала представлять собой неурегулированную между собой систему норм и правил, по сути, действующую в едином направлении, однако чрезвычайно усложненную за счет несогласованности упомянутых законодательных актов между собой.

Это произошло отнюдь не по вине законодателя, который занимался разрешением весьма важных и сложных стоящих перед ним задач, а, во многом, изменением действовавших концепций, подходов, и, наконец, появлением новых возможностей по исполнению условно-досрочного освобождения и наказания с использованием новых технических возможностей.

Более того, разработка, принятие и внедрение закона «об исполнении санкций сообщества (о условно-досрочном освобождении)» 10.4.2015/400 [15], по нашему мнению, как минимум, было бы чрезвычайно усложнено без уже имеющегося теоретического, законодательного и практического опыта, создания и действия комплекса государственных органов, ответственных за исполнение таких санкций – Агентства по исполнению уголовных санкций, органов прокуратуры и суда, полиции, местных органов власти и т.п.

Список литературы:

- Pellinen, Tarja. 1992. Ehdonalaisen vapauden kehitys Suomessa. Helsinki: Helsingin yliopiston rikos- ja prosessioikeuden laitoksen julkaisu A:4. S. 159-162.
- Abadinsky, Howard. 2009. Probation and Parole. Theory and Practice. Tenth Edition. Pearson Prentice Hall. Upper Saddle River, New Jersey. S. 167-171.
- Linderborg, Henrik. 2008. Finland, 319.
- Vankeus ja ehdonalainen vapaus. Rikoslakiprojektin ehdotus. Oikeusministeriön lainvalmisteluosaston julkaisu 3/1994. S. 26.
- Ehdonalaisvalvontaan määrättyjen kokemuksia vankilan jälkeistä arjesta. Kuka tukee rikoksetonta elämää? Päivi Lahti Sosiaalityön ammatillinen lisensiaatti tutkielma Yhteiskuntatieteellinen tiedekunta Yhteisö- ja sosiaalityön erikoisala Jyväskylän Yliopisto Syksy 2010. S. 28.
- Huhtala, Johanna. 1984. Kriminaalihoitojärjestelmän vaiheita 1870-1975. Kriminaalihoitojärjestelmän julkaisu. Helsinki: Valtion painatuskeskus.
- Karsikas, Vuokko. 1989. Kriminaalihoitojärjestelmä Suomessa. Vankeinhoiton koulutuskeskuksen julkaisu 2/ 1989. Helsinki: Valtion painatuskeskus.
- Kriminaalihoitojärjestelmän toimintakertomus 1989.

- Vankeus ja edonalainen vapaus 1994.
Закон об общественных работах 1055/1996 - Обновленное законодательство - FINLEX ®
Закон о наказании несовершеннолетних 1196/2004 - Обновленное законодательство - FINLEX ®
Закон о надзоре за условно-досрочно освобожденным освобождением (отменен) 782/2005 - Обновленное законодательство - FINLEX ®
Закон о надзоре за условным лишением свободы (отменен) 634/2010 - Обновленное законодательство - FINLEX ®
Закон о надзорных наказаниях (отменен) 330/2011 - Современное законодательство - FINLEX ®
Закон об исполнении санкций Сообщества 400/2015 - Современное законодательство - FINLEX ®
Алексеева, Е. С. Институт подготовки к освобождению из мест лишения свободы в пенитенциарных системах стран Скандинавии: особенности формирования и современное состояние [Текст] / Алексеева Елена Сергеевна // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2020. - № 4. - С. 33-36.
- Трубецкой В. Ф., Юсуфов Р. Ш. // Уголовноисполнительная система: право, экономика, управление. - 2011. - N 1. - С. 12-15.
Алексеев В. И. Условно-досрочное освобождение арестантов в российской и в европейских тюремных системах /1909-1917 гг. / [Текст] / В. И. Алексеев // Право и образование. - 2010. - N 10. - С. 162-169.
Загорский, Г. И. Обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбывания [Текст] / Загорский Геннадий Ильич // Российское правосудие. - 2013. - № 7 (87). - С. 83-86.
Князьков, А. С. Участие общественности в подготовке осужденных к освобождению из мест лишения свободы и их социальной адаптации [Текст] / А. С. Князьков // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2015. - № 4 (18). - С. 37-44.
Первозванский, В. Б. О некоторых вопросах исчисления сроков освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы [Текст] / В. Б. Первозванский, Ю. Н. Строгович, Р. М. Жилиев // Пробелы в российском законодательстве. - 2018. - № 2. - С. 94-96.

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ СОГЛАСНО УК РФ

*Вилисова И.Б.
Аспирант РАНХиГС*

PREVENTION OF CYBERCRIME ACCORDING TO THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема – противодействие преступлениям в IT-сфере способами, характерными для уголовного права.

В информационном обществе киберпреступность носит глобальный характер, что усложняет процесс организации противодействия преступным деяниям в киберпространстве.

Повышение эффективности борьбы с преступлениями в рассматриваемой сфере возможно прежде всего путем совершенствования уголовного закона, введения в него новых составов преступлений и изменения отдельных уже существующих норм.

Annotation. The article deals with an urgent problem – countering crimes in the IT sphere in ways characteristic of criminal law. In the information society, cybercrime is global in nature, which complicates the process of organizing counteraction to criminal acts in cyberspace. Improving the effectiveness of combating crimes in this area is possible primarily by improving the criminal law, introducing new elements of crimes into it and changing certain already existing norms.

Ключевые слова: киберпространство, киберпреступление, уголовная ответственность, криминализация, информационные технологии, IT-сфера, кибератака

Keywords: cyberspace, cybercrime, criminal liability, criminalization, information technology, IT-spheres, cyber attack

Для многих преступников виртуальное пространство стало привлекательным местом для совершения киберпреступлений. Таково общее название для всех типов криминальной активности, которая реализуется с использованием электронных устройств и и/или возможностей телекоммуникационной сети Интернет. Отечественный законодатель именуем их

преступлениями в сфере компьютерной информации.

Уровень киберпреступности в настоящее время достаточно высок, о чем свидетельствуют данные статистики.

Отмечается высокая динамика развития и распространенности преступлений, совершаемых с использованием современных цифровых технологий, в частности, по данным МВД России

рост количества зарегистрированных преступлений данной категории только за первое полугодие 2021 года в сравнении с аналогичным периодом 2020 года достиг 25,7%, что привело к росту общего количества зарегистрированных преступлений (на 1,6%) [4]. Ведомство констатирует, что существенная часть криминальных деяний разного рода совершается с применением IT-технологий. В том числе рост количества преступлений, совершенных при помощи сети Интернет достиг 48,4%, с использованием компьютерной техники – 40,1%. Если в январе-мае 2020 года удельный вес преступлений в сфере высоких технологий составлял 21,7%, то по итогам пяти месяцев 2021 года он возрос уже до 26,8% [4].

Постоянно растущая криминальная активность в анализируемой сфере предопределила высокий научный интерес к проблематике противодействия ей, и сделала их предметом исследований многих российских и зарубежных специалистов. Расширение явления киберпреступности обусловлено доступностью интернет-технологий и устройств, повсеместным подключением пользователей к сети Интернет посредством ноутбуков, смартфонов, планшетов и иных гаджетов [2].

Чаще всего киберпреступления совершаются с корыстной целью, из желания завладеть личными данными пользователя или его финансовыми средствами. На сегодняшний день данная сфера стала одним из наиболее прибыльных направлений криминального бизнеса в целом, поскольку большинство финансовых потоков в настоящее время перенесены в киберсферу. Так, только за первое полугодие 2022 года сумма ущерба от IT-преступлений в РФ достигла уровня 65 млрд руб., что на 20% выше ущерба за аналогичный период 2021 года [7].

В разы возрастает преступная деятельность в отношении банков, других кредитных организаций, интернет-магазинов. Не случайно по инициативе ПАО Сбербанк и МВД России в УК РФ была включена ст. 159.3, в которой предусмотрена уголовная ответственность за специальный вид мошеннических действий – мошенничество с использованием электронных средств платежа, которые предусматривают использование информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, а также технических устройств иного рода. Тем не менее, значительная часть преступлений в отношении финансовых структур оказывается латентной, поскольку пострадавшие компании не стремятся афишировать проблемы безопасности и уязвимости, которые неизбежно приведут к утрате значительной части клиентов.

Киберпреступления несут повышенную общественную опасность ввиду их масштабности: миллионы пользователей могут понести ущерб от действий нескольких преступников. Так, к примеру, по информации Group-IB, в 2021 году размер ущерба российских букмекерских контор от

онлайн-мошенничества достиг 2 млрд. руб., то есть свыше 1% от общей выручки официальных букмекеров (совокупный объем дохода данных структур в РФ составляет 197,9 млрд. руб. по состоянию на конец 2021 года). Эксперт группы Group-IB З. Астанов отмечает, что «индустрия онлайн-ставок с миллиардными оборотами и миллионами ежедневных пользовательских сессий стала очень привлекательной целью для злоумышленников» [8].

Установление уголовной ответственности за совершение запрещенного законом общественно опасного деяния является реальным механизмом предотвращения преступлений. Прежде всего отметим, что в нашей стране в настоящее время уголовная ответственность за совершение преступных деяний в сфере компьютерной информации закреплена статьями, аккумулированными в Главе 28 УК РФ. Это ст. ст. 272–274.2 Кодекса.

Основной проблемой в противодействии киберпреступности в нашей стране является несовершенство действующего национального уголовного законодательства, в котором официальное закрепление получила только ограниченная группа перечисленных выше деяний, при этом отсутствует регламентация ответственности за совершение преступлений с признаком использования цифровых технологий, которые очевидно обладают повышенной степенью общественной опасности в сопоставлении с «некомпьютерными» деяниями.

Сложность обнаружения действий компьютерного преступника и его возможности совершать преступления в киберпространстве, не имеющем ограничений в виде государственных границ, многократно увеличивают степень общественной опасности таких деяний и создают проблему установления места совершения преступления. Уголовной ответственности в силу ст. 11 УК РФ подлежат лица, которые совершили преступное деяние на территории Российской Федерации, в силу ст. 12 УК РФ – отдельные категории преступлений, совершенных вне пределов российской территории, при этом в силу п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ доказывание по уголовному делу включает обязательное установление места совершения преступления, тогда как установление реального местонахождения киберпреступника в момент совершения преступных действий нередко является затруднительным.

Специальным предметом преступного воздействия в рассматриваемом контексте являются, как представляется, объекты критической инфраструктуры. Негативное воздействие на них в современных условиях представляется неотъемлемой частью кибертерроризма и гибридной войны против государства. Кибертеррор реализуется как компьютерные атаки на критическую инфраструктуру государств, к примеру, такого рода атаки привели в сентябре 2010 года к остановке

центрифуг иранской атомной станции с помощью компьютерного вируса StuxNet; также актом кибератак в марте 2013 года был вызван паралич работы нескольких крупных финансовых учреждений Южной Кореи [5]. Анализ публикаций показывает, что в последние пять лет массированным хакерским атакам многократно подвергались компьютерные сети правительственных органов разных стран. Так, к примеру, одной из первых в отечественной истории стала 25-26.01.2017 мощная DDoS-атака, которой подвергся официальный сайт национальной гвардии РФ, что привело к временному прекращению нормального функционирования данного ресурса [6]. С этого времени активность хакеров возросла в десятки раз, атаки позволили нарушить деятельность таких цифровых платформ, как Госуслуги, сайты Рособнадзора, Минцифры и других важных публичных ресурсов [9].

Приведенные примеры кибертерроризма наглядно демонстрируют потенциальные возможности терроризма в информационной сфере, в реальных эргасистемах, имея в виду сложные системы управления объектами технических, технологических, организационных и экономических комплексов, в которые включены в качестве компонента операторы [3].

Как представляется, сущность кибертерроризма в определенной мере отличается от общепринятого понятия терроризма, сохраняя лишь негативный результат этого явления. Легальное определение понятия «терроризм» закреплено в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» [1], российский законодатель в данной дефиниции определил его как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, сопряженные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Осуществление кибератак на жизнеобеспечивающие предприятия в современных условиях потенциально способно привести к многочисленным жертвам, и их следует квалифицировать как акты террористической направленности.

Однако, признаками, которые закреплены 205 УК РФ, данные действия не обладают, поскольку кибератака в качестве способа совершения преступления данной нормой уголовного закона не предусмотрена. Как представляется, целесообразно ч. 2 ст. 205 УК РФ, дополнить пунктом «г», в котором отразить способ совершения преступления, представляющий повышенную социальную опасность: «с использованием средств компьютерной техники, информационных систем, средств коммуникации либо иными способами использования современных информационных технологий». Такой подход позволит привлекать к повышенной уголовной ответственности лиц, которые в качестве средства/орудия совершения

террористического акта используют современные цифровые технологии для дезорганизации деятельности инфраструктурных объектов (таких как объекты атомной энергии, гидроэлектростанции, водоканалы и т.п.).

Кибератаки на государственные сайты могут создавать проблемы для функционирования органов власти, при этом период дезорганизации может быть достаточно длительным, что в современных условиях имеет повышенную общественную опасность. Как представляется, в уголовном законе необходимо специальным образом предусмотреть уголовную ответственность за такого рода действия, которые не в полной мере охватываются понятием диверсии. Поэтому целесообразно дополнить УК РФ статьей 281.1 «Кибератака на сайты государственных органов», в диспозиции которой следует предусмотреть совершение кибератаки на сайты государственных органов (органов власти), направленной на дезорганизацию работы и функционирования официальных сайтов государственных органов.

Как представляется, для нормального функционирования компьютерных систем и обеспечения безопасности хранения и передачи информации уголовный закон должен защищать компьютер любого пользователя, пользующегося средствами защиты. Не случайно во многих зарубежных правовых системах, к примеру, в Нидерландах, Испании, других странах ЕС, незаконный доступ к компьютеру защищается по аналогии и наравне с незаконным проникновением в жилище, поскольку в обоих случаях виновное лицо посягает на конституционное право гражданина: а именно на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации). Такой подход представляется оправданным, поскольку современные гаджеты являются основным хранилищем сведений о человеке, касающихся разных сфер его жизни.

Подытоживая сказанное, следует сделать вывод, что дальнейший рост масштабности угрозы в информационном пространстве требует активизации деятельности законодателя и принятия норм, направленных на предотвращение преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве. Необходимо совершенствование уголовного закона и его гармонизация с другими правовыми отраслями в контексте противодействия киберпреступности.

Список источников

Федеральный закон РФ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. ст. 1146.

Звягинцева П.А., Максименко Р.О. Шпионское программное обеспечение и методы защиты от него // Интерэкспо Гео-Сибирь, 2018. - №9. - С. 106-112.

Ловцов Д. А. Информационная теория эргасистем. – М.: РГУП, 2021. – 314 с. С. 37.

МВД России публикует данные о состоянии преступности по итогам пяти месяцев 2021 года. 21 Июня 2021. МВД России: официальный сайт [Электронный ресурс] Режим доступа <https://мвд.рф/news/item/24738876>

Правительство предложило сажать за кибератаки на десять лет. 06.12.2016. Сайт РБК: [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.rbc.ru/>

Сайт Росгвардии подвергся массовой DDoS-атаке. 26.01.2017. Российская газета: официальный сайт СМИ [Электронный ресурс] Режим доступа <https://rg.ru/2017/01/26/sajt-rosgvardii-podvergsia-massovoj-ddos-atake.html>

Ущерб от IT-преступлений в России с начала года вырос на 20%. 19.10.2022. Коммерсантъ: официальный сайт СМИ [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.kommersant.ru/doc/5620873>

Group-IB: букмекеры теряют 2 млрд. рублей в год из-за онлайн-мошенников. 28.10.2022. SECURITYLAB: сайт [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.securitylab.ru/news/534571.php>

DDoS-атаки в России. 21.07.2021. TADVISER – государство, бизнес, технологии: сайт СМИ [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.tadviser.ru/index.php/>

RESOLUTION OF DISPUTES IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY.

*Zadnipriana-Korinna M.Y.,
phd,*

*Associate Professor of the Department of Economics and Law
National University of Food Technologies*

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.85.308

Summary: This article analyzes the issue of resolving disputes in the field of intellectual property using the example of some countries. Specialists in this field are convinced of the necessity of mandatory preventive measures for the protection of intellectual property. The resolution of disputes in the field of intellectual property with the participation of specialists makes it possible to use all promising options for actions to come out with the result with the least losses and with possible profit. This issue is relevant today and requires detailed consideration.

Key words: intellectual property, liability, defense, court.

Today, so-called intangible assets, namely intellectual property objects, play an important role in business. We propose to consider the issue of legal protection of intellectual property in detail in this article and to analyze the mechanism of solving problems in this area. Intellectual property means copyright and patent rights, related rights, and the right to marketing designations. All these are important components of competitive struggle in the business sphere. For business entities, effective legal protection of intellectual property is one of the most important conditions for successful market positioning and profit growth.

Specialists in this field are convinced of the necessity of mandatory preventive measures for the protection of intellectual property. The resolution of disputes in the field of intellectual property with the participation of specialists makes it possible to use all promising options to get out of the situation with the least losses and with a possible benefit.

The range of issues with which a specialist of this specialization works is quite wide. These can be appeals against decisions of Ukrpatent regarding the registration of intellectual property objects, resolution of conflicts related to the violation of the exclusive right to a trademark, as well as the recognition of certain situations as unfair competition.

Also, an alternative to court proceedings in this category of disputes is an appeal to an arbitration court or international commercial arbitration. However, the protection of violated rights in the field of intellectual

property cannot always be implemented in this way. The Law «On Arbitration Courts» dated 11.05.2004 defines the list of non-arbitrable disputes, which includes some categories of disputes regarding intellectual property rights. Disputes regarding the registration of intellectual property, validity of patents/certificates, commercial secrets, etc. are not considered in arbitration courts. When protecting intellectual property rights, a lawyer through the court resolves the following issues:

- stopping the passage of products through the customs of Ukraine, if their import or export takes place with non-compliance with intellectual property rights;
- seizure of materials or equipment used for the production of goods in violation of intellectual property rights;
- removal from circulation of products produced in violation of intellectual property rights.
- taking measures to prevent crime;
- receiving a decision on compensation for damages due to infringement of intellectual property rights.

Sometimes the restoration of violated intellectual property rights through the court involves the publication in the mass media of information about their violation. The protection of intellectual property rights is based on the application of substantive law: the Civil Code of Ukraine, the Criminal Code of Ukraine, the Code of Ukraine on Administrative Offenses, as well as the use of provisions of procedural codes. In particular, the protection of intellectual property rights

through court is regulated by Article 432 of the Civil Code of Ukraine.

With the gaining of independence, a new stage in the development of the judicial system began in Ukraine, including an increase in the role of the court in resolving disputes through conciliation (mediation). In 2005, another judicial reform was carried out in Ukraine, as a result of which administrative courts were created, the powers of which included consideration of administrative cases regarding the appeal of any decisions, actions or inaction of subjects of power, except for cases when such decisions, actions or inaction, the Constitution or laws of Ukraine establish a different procedure for court proceedings [6]. In particular, only in the edition of December 15, 2017 of the Code of Administrative Procedure of Ukraine does the court have a real opportunity to take an active part in the reconciliation procedure. Until now, the court did not have access to the procedure for discussing reconciliation, in fact, it was only provided with a ready-made document on the achievement of reconciliation between the parties, after which the obligation to close the proceedings arose. That is, before the adoption of the above changes, resolving the dispute through conciliation remained the exclusive prerogative of the parties in the case. Currently, the court has the opportunity not only to observe the actions of the parties to find ways of reconciliation, but also to help them understand the essence of the dispute and offer possible options for its resolution. This follows directly from Chapter 4 of the Code of Administrative Procedure of Ukraine [5, p. 83].

The idea of the necessity of the existence of the possibility of reconciliation in court with the direct participation of the court in this process of consideration of the case also found its support in the practice and legislation of foreign countries.

In the modern civil process in Germany, there are norms similar to the provisions of the Ukrainian legislation regarding the right and duty of judges to take actions until the parties are reconciled. For example, § 278 of the German Civil Code orders the judge "in every situation to make the maximum effort to reconcile the parties." In addition, in the latest amendments introduced after the entry into force of the German Mediation Act on July 27, 2012, §278a states that a judge is allowed to conduct mediation or other dispute settlement procedures on behalf of the parties [27]. That is, the court is given the opportunity not only to take a direct active part in the settlement of the dispute, but also the right to involve a mediator (intermediary) for such purposes. The court also has the right to suggest that the parties turn to mediators for an alternative, out-of-court settlement of such a dispute and, if they agree, to close the proceedings in the case.

In France, Art. 21 of the current Code of Civil Procedure provides for a similar duty of the judge to make attempts to reconcile the parties [16]. It is interesting to note the statement of the famous French legal theorist J. Bergel, who, researching issues related to court activity, concludes that "the power of the state to administer justice implies the obligation to judge,"

meaning, among other things, to resolve cases through mediation. If a judge refuses to judge for the reason that the law does not provide for consideration of this issue, which is not interpreted in the best way, then such a judge will be prosecuted for denying access to justice" [3, p. 533]. However, as A. Weifels notes, the historical experience of France in implementing the idea of judicial reconciliation is of particular interest, because during the Great French Revolution an attempt was made to change the nature and content of the judicial process and to build it on the basis of the ideas of reconciliation. Reconciliation, as the researcher claims, and not the resolution of disputes based on the rules of law, was supposed to form the basis of justice in the young French Republic and the order it proclaimed based on the general rights of freedom, equality and fraternity. One of the revolutionary innovations was the mandatory preliminary reconciliation procedure. A special bet in the new system was made on justices of the peace. The foundations of the legal profession were also reformed, as early as 1790, the profession of lawyers was abolished, and later that of attorneys in court cases, and a new category of advisers (avoués) was introduced [26, p. 28].

Another country in which the idea of reconciliation found support and further development is the USA. It was in this country, as G. Abolonin emphasizes, that the concept of cooperative negotiations (the so-called Harvard concept of negotiations) appeared, which formed the basis of mediation procedures, as well as most modern reconciliation procedures. Judicial mediation in the USA is united under the concept of "a court with many doors". For the practical implementation of this concept in the USA there are special small claims courts, also called courts with conciliation procedures, the subject matter jurisdiction of which is determined according to the amount of the claim. The limit is set from 1,000 to 5,000 USD depending on state legislation [2, p. 111].

According to G. Abolonin, in many courts of the United States, pre-trial hearings are held, one of the goals of which is "to assist the court in creating conditions for the parties to conclude a peace agreement, including the possibility of alternative dispute resolution using mediation, independent assessment of the damage caused, arbitration" [2, p. 292]. U. Gottwald, analyzing the conciliation procedure in US courts, points out that in many states court mediators work in courts. The scientist claims that the procedure is very different from the one in Russia, France or Germany, which can be explained by basing the law and process on more liberal ideas and legal traditions belonging to the Anglo-Saxon legal family. However, U. Gottwald also points to the significant shortcomings of the conciliation procedure in US courts, stressing that even in the US, when considering court cases, judges are usually limited to only reminding the parties that they have the opportunity to settle the conflict peacefully independently or with the participation of mediator and providing them with information about the consequences of concluding a peace treaty [18, p. 425-

426]. Indeed, it can be seen from the above that the development of the idea of judicial mediation is directly related to the development program of alternative dispute resolution.

This phenomenon (initially as a way of resolving labor conflicts) was scientifically substantiated in the USA in the 60s and 70s of the 20th century, and then began to be successfully used in other spheres of life [4].

Undoubtedly, the USA is traditionally considered to be the first country where various programs for the development of alternative dispute resolution began to be implemented. The main goals of such programs were to relieve the burden on the law enforcement system and facilitate the dispute settlement procedure for the parties. Public and religious organizations acted as initiators and active participants in the implementation of the programs. Therefore, alternative dispute resolution in the USA appeared in the early 1970s as a "bottom-up" initiative, which subsequently led to the decentralization of legal regulation. In some states, the programs were supported by local authorities, as a result of which the courts were involved in their implementation.

In the spread of mediation in the USA, three periods can be distinguished:

1) the population has a need for an out-of-court dispute resolution procedure as an alternative to the court process;

2) political science and jurisprudence recognized this necessity and developed methods of mediation as an independent and clearly structured service;

3) the services provided turned out to be interesting even for those participants in the conflict who were initially not interested in alternative dispute resolution methods.

As a result, mediation and its professional form - mediation became one of the main elements of American culture [9, p. 86-87].

In 1972, the Society of Professionals in Dispute Resolution (Society of Professionals in Dispute Resolution) was established in the USA. In 1977, a special committee (Special Committee on the Resolution of Minor Disputes) was formed at the authoritative association of lawyers - the American Bar Association [22].

It is worth noting that in April 1976, at the Pound Conference in Minnesota, the report "On Different Methods of Dispute Resolution" was delivered by Frank Sander. Since then, this day is often called the birthday of alternative dispute resolution, and Sander himself - the founder of mediation as a discipline. Shortly after the 1976 conference, a special Dispute Resolution Committee (later transformed into the Dispute Resolution Section) was established within the American Bar Association. From 1959 until his retirement in 2006, Professor Frank Sander taught at Harvard Law School. He is the author of many books on jurisprudence and alternative dispute resolution, including the popular textbook "Dispute Resolution: Negotiations, Mediation and Other Procedures" [21].

In 1990, the Joint Commission on Alternative Dispute Resolution was established in the state of Georgia, which studied the possibility of using alternative dispute resolution methods in court proceedings and launched pilot programs. These efforts led to the Georgia Supreme Court's adoption of rules that established a blueprint for the use of alternative dispute resolution in the state. The plan provided for the creation of the Dispute Settlement Commission as a special coordinating body. The Commission is engaged in the development of principles of certification of alternative dispute resolution programs and their certification, development of criteria for training and behavior of mediators.

The plan proposed that each court adopt its own alternative dispute resolution programs and submit them to the Commission for approval. The plan does not prescribe any one form of mediation, but allows courts to create programs that take into account the specific needs of local communities. According to the plan, the Georgia Office of Dispute Resolution was also established, which implemented the principles of ADR, certification of mediators and collection of information about ADR programs [19, p. 40-41].

Currently, federal regulation of alternative dispute resolution is carried out with the help of a model act - the Uniform Mediation Act of 2001 [24].

In India, the concept of mediation was first enshrined in the Industrial Disputes Act. Conciliators appointed under Section 4 of the Act were charged with "the duty of mediating and promoting the settlement of industrial disputes". In 1987, the Legal Services Authorities Act was passed, according to which the National Legal Services Authority, patronized by the Chief Justice, was established. Among other things, this body should "encourage the resolution of disputes through negotiation, arbitration and conciliation."

In 1996, the Arbitration and Conciliation Act was adopted. Provisions on alternative dispute resolution were introduced into the Civil Procedure Code of 1908 [14].

In the countries of Western Europe, the first special laws on alternative dispute resolution appeared only in the 1990s (in France, Italy), and in some countries they still do not exist. However, the process of introducing alternative methods of dispute resolution is developing almost everywhere. Special laws on alternative dispute resolution have already been adopted in Belarus and Moldova. Similar draft laws are being actively discussed in Spain, Austria, and Ukraine.

In Germany, until the end of the 1990s, there was little general interest in alternative dispute resolution, and mediation was mainly used in divorce disputes. Interest in alternative dispute resolution arose in 1979 at the annual congress of judges in Essen. In 1981, the Supreme Court indicated that the effectiveness of the judicial system could possibly be improved through the use of alternative dispute resolution methods, especially mediation. In 1999, the federal parliament passed legislation allowing German states to introduce mandatory court mediation [17].

In Italy, legislation on alternative dispute resolution appeared relatively recently. It is based on Law No. 38 of January 17, 2003, which regulates the mediation of corporate and insurance disputes. The provisions of the law were developed in two decrees of the Ministry of Justice dated July 23, 2004 (No. 222 and No. 223), which regulate the maintenance of the register of mediators and the system of payment for services, which is mandatory for public mediation organizations. On July 24, 2006, a decree was adopted, which fixed the conditions for the entry of a mediation organization into the register of mediators [15].

In Spain, there is still no legal regulation of alternative dispute resolution. The Civil Procedure Law of 2000 stipulates that within one year from the entry into force of this law, the government will submit to the General Cortes a draft law on voluntary jurisdiction (*Ley sobre jurisdicción voluntaria*). In 2002, an editorial commission operating within the framework of the General Codification Commission was created, which developed the draft law. Its text was presented as a draft of the Ministry of Justice and published in October 2005. More than 500 amendments were proposed during the passage of the project through the justice commission of the Congress and the Senate, and in the end the project was withdrawn by the government [13].

In some countries, the development of alternative dispute resolution took place in the form of an appeal to the traditional system of dispute resolution [20].

In India, the activity of panchayats (panchayats) - bodies consisting of the richest, most influential or elderly members of the community, who are invited to settle differences - is considered as a prototype. Panchayats tried to resolve disputes in accordance with tribal law and the general interest of the clan in order to maintain harmony and prosperity [23].

In Kyrgyzstan, in 2002, the Law "On the Courts of Elders" was adopted, in which the connection of the institute under study with the "customs and traditions of the peoples of Kyrgyzstan" is clearly traced [5].

The importance of this institute for rural areas remote from regional centers, where there are no qualified lawyers and population access to legal information, is extremely significant. In rural areas, small disputed situations, if not resolved in time, can provoke large conflicts involving relatives and turn into irreconcilable tribal enmity with all possible consequences.

Therefore, it is important at the early stages of conflict development, especially in rural areas, to organize the informal activity of Aksakal courts to resolve all conflict situations through persuasion, public influence, achieving reconciliation of the parties and making a just decision that does not contradict the laws, although, of course, the activity of these organs is not without some shortcomings [12].

In countries where the state encouraged mediation, appropriate services could be established under courts or administrative bodies. In other countries, they are supported not by courts, but by ministries or independent agencies.

If mediation developed independently of the authorities, it was initially provided by professional consultants and welfare experts working in local communities, although their activities could be coordinated by any national body. In some states, mediation was conducted by independent services, so there was no general model [25].

At the same time, alternative methods of conflict resolution cannot become a full-fledged substitute for the judicial system. The Committee of Ministers of the Council of Europe drew attention to this aspect in the Recommendations on mediation in civil cases. It is indicated that mediation can be carried out both in court and out of court. That is, the parties can use mediation to resolve disputes outside the court. However, it is strongly recommended that if the parties do resort to mediation, they should be provided with the right of access to the state judicial system, as it provides the ultimate guarantee of the protection of the parties' rights [11].

The legal literature identifies the following limitations of alternative dispute resolution. Alternative forms are not suitable for disputes involving complex legal issues, they are more appropriate in fact-finding situations. Alternative means are ineffective when settling disputes with many persons representing one of the parties, since it is difficult to reach an agreement between two parties to the dispute and the task becomes more complicated if there are more of them.

Sometimes one side suggests using alternative methods of dispute resolution, and the other side sees this method as a manifestation of a weak position, an admission of guilt, as evasion of a dispute in a state court. Since alternative dispute resolution methods are consensual in nature, their application always requires cooperation. On the one hand, this is a dignity, on the other, it is a limiting fact. If the parties do not want to contact each other, using alternative methods does not make sense. The desire of one of the parties to establish a court precedent, to attract public attention to a particular problem or the need for "slow tactics" when any party is benefiting from a delay in resolving the dispute [8] are cited as restraining reasons.

Researcher T. Abova believes: "Each country builds a judicial system based on its own needs, but there are some universal values that cannot be disregarded in a society that considers itself democratic. This is the right to judicial protection" [1, p. 9].

Indeed, the centuries-old practice of highly developed countries convincingly proves that achieving high rates of economic growth becomes possible only if there is an effective judicial system that actively helps the progress of industrial relations. If the judicial system is inefficient, ineffective and inadequate to the objective needs of the market economy, all attempts by the state authorities to achieve tangible economic progress are fruitless.

However, it is not always advisable to resolve conflicts by going to court. First, the protection of rights in court should not be the only way to resolve conflicts that arise between subjects of civil legal relations.

Secondly, with the participation of foreign persons in the dispute, the following risks and difficulties may arise, which make the procedure of applying to the state court unattractive:

- lack of knowledge of the procedural procedure mandatory for application by a foreign state court, which in practice means the need to seek the services of a local lawyer, who does not always show a personal interest in the speedy conclusion of the trial, and whose qualifications cannot always be determined until the moment when he is assigned the appropriate powers;
- the obligation to conduct court proceedings in the language of the state where the court is located, in connection with which there is a need to translate all documents related to the dispute into the applicable language; quite often, such a translation must be certified by a sworn translator, who does not always have sufficient knowledge of commercial or technical terminology;
- the presence of several instances, the procedural formalism characteristic of the state court, which contributes to the prolongation of the proceedings and requires additional costs;
- lack of necessary competence among judges, since the training of judges of state courts is designed to apply the norms of the national legal system, although the terms of the contract do not always coincide with the material law of this state. The application of foreign law by the state court is connected with the need to conduct additional examinations and obtain the opinion of relevant specialists;
- unequal treatment of the parties to the dispute (judges of state courts are quite often inclined to be more lenient towards the participants in the proceedings who are subjects of a given state; however, you should not agree with this point, as it means a violation of the principle of equality of the parties, which is impossible a priori);
- the possibility of enforcement of a state court decision on the territory of a foreign state is limited due to the lack of universal international treaties that allow the enforcement of a state court decision of one state on the territory of another state [10, p. 4-5].

Therefore, supporters of alternative dispute resolution prove that in the process of settlement of the dispute between the parties in the case, priority should be given to the mediation program outside of court proceedings, since their role is growing significantly in the world.

So, a successful intellectual property lawyer must have knowledge of both national and international law. A decisive factor in the work of such a specialist is the experience of claim-lawsuit work in the field of intellectual property, representation of the client's interests in courts, arbitrations, and other relevant institutions where disputes are considered. A lawyer in the field of intellectual property comprehensively assesses the problem in order to determine the least expensive ways to resolve the dispute. First of all, the lawyer considers the possibility of an out-of-court settlement. In the case when solving the problem out of

court is found to be ineffective, specialist prepares materials for filing a lawsuit in court.

Quite often, dispute settlement specialists use the so-called non-jurisdictional form of protection. In this case, we are talking about the rights holder sending messages to the infringer, negotiations and other independent actions to defend their rights and interests. However, it also happens that it is not possible to achieve the desired result, so then it is necessary to consider other ways of solving the problem. Sometimes the lawyer turns to state regulatory bodies, for example, the Antimonopoly Committee or the State Fiscal Service. Such measures qualify as an administrative dispute resolution procedure. In addition, it should be noted that the resolution of disputes in the field of intellectual property in courts and state bodies is sometimes accompanied by unwanted publicity. In cases where confidentiality is necessary and the parties to the dispute wish to save time, various mediation options are used. Quite often, a neutral intermediary - a mediator who has expert knowledge and authority in a specific field - is brought in to resolve the dispute.

LITERATURE

1. Abova T. E. Arbitration court in the judicial system of Russia. State and law. 2000. No. 9. P. 5–14.
2. Abolonin G. O. Civil procedural law of the USA. M., 2010. 432 p.
3. Berzhel Zh.-L. General theory of law. Moscow, 2000. 576 c.
4. Besemer H. Mediation: mediation in conflicts: trans. with German N.V. Malovoy Kaluga: "Spiritual knowledge", 2004. 176 p.
5. Law of Kyrgyzstan "On Aksakal Courts". URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1070> (access date: 15.12.2018).
6. Code of Administrative Procedure of Ukraine. Information of the Verkhovna Rada of Ukraine (VVR). 2005. No. 35–37. P. 446. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2747-15> (12.12.2018).
7. The Administrative Judicial Code of Ukraine is the current legislation of Ukraine with changes and additions as of November 28, 2017. Kyiv: "Center for Educational Literature", 2017. 192 p.
8. Nosyreva E. M. Alternative resolution of civil-law disputes in the USA: autoref. dis p. ... Doctor of Law. of science Voronezh, 2001. 65 p.
9. Mediation in notary practice (Alternative methods of conflict resolution) / P. Far [and others]. Moscow, 2005. 364 p.
10. International commercial arbitration. The State of Central and Eastern Europe and the CIS: educational and practical manual / op. ed. A. Tynel, V. Khvalei. Moscow: BEK, 2001. 544 p.
11. Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member states on mediation in civil cases dated September 18, 2002. URL: <https://supreme.court.gov.ua/userfiles/Rec200210200209181.pdf> (access date: 12/16/2022).

12. Zh. Toroev. Courts of elders in Kyrgyzstan. Lawyer. 2005. No. 1. URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1232864> (access date: 15.12.2022).
13. Augsburg D.W. Conflict Mediation Across Cultures: Pathways and Patterns. Westminister John Knox Press. 1992. 322 p.
14. Bhatt Niranjana J. Court Annexed Mediation. URL: http://lawcommissionofindia.nic.in/adr_conf/niranjana%20court%20annex%20mediation.pdf (Last accessed: 14.12.2022).
15. Buizza R. Mediation in the Italian Legal System URL: <http://www.cpradr.org/Portals/0/mediationintheitalianlegalsystem.pdf>. (Last accessed: 14.12.2018).
16. Code de procédure civile URL: http://codes.droit.org/CodV3/procedure_civile.pdf (Last accessed: 12.12.2022).
17. Funken K. Comparative Dispute Management: Court-connected Mediation in Japan and Germany. 3 *German Law Journal*. № 2 (01 February 2002) URL: <http://www.germanlawjournal.com/article.php?id=130> (Last accessed: 14.12.2022).
18. Gottwald W. Gerichtsnahе Mediation. *Haft R. von Schlieffen K. Handbuch Mediation*. Munchen, 2003. P.425–426.
19. Hartley R. E. Alternative Dispute Resolution in Civil Justice Systems. LFB Scholarly Publishing LLC, 2002. 272 p.
20. Pei Cao. The origins of mediation in traditional China. *Dispute Resolution Journal*. 1999. VOL. 54, N. 2. P.32–35.
21. Sander. F. F. A. (1976). Varieties of dispute processing. *L. A. Levin & R. Wheeler (Eds)*. The pound conference: Perspectives on justice in the future (1979). St. Paul, P. 65–87.
22. Spencer D., Brogan M. Mediation law and practice. *Cambridge University Press*. 1 edition (February 12, 2007) 544 p.
23. Sukhsimranjit Singh and Vinay Tyagi. Institutionalization of mediation in India URL: <http://www.leadr.co.nz/db/images/stories/9thAnConference/speakers/Institutionalization%20of%20Mediation%20in%20India-%20V%20Tyagi.doc> (Last accessed: 14.12.2022).
24. Uniform Mediation Act (USA): legal privilege for all mediation communications. URL: https://www.conway-partners.com/uploads/files/uniform_mediation_act.pdf (Last accessed: 14.12.2022).
25. Walker J. Introduction to Family Mediation in Europe and its Special Characteristics and Advantages. *Family mediation in Europe. Proceedings*. 4th European Conference on Family Law. Palais de l'Europe, Strasbourg, 1–2 October 1998. P. 30.
26. Wijffels A. French Civil Procedure (1806 - 1975). *Van Rhee C. H. European Traditions in Civil Procedure*. Antwerp, 2005. P. 25–47.
27. Zivilprozessordnung. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/ZPO.pdf> (Last accessed: 14.12.2022).

УДК 340

РАЗНОУРОВНЕВОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ГИБКАЯ И ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исаков Игорь Николаевич

кандидат юридических наук, доцент,

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

MULTILEVEL LEGAL REGULATION AS A FLEXIBLE AND EFFECTIVE FORM OF LEGAL INFLUENCE ON PUBLIC RELATIONS IN MODERN RUSSIA

Isakov I.N.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

National Research University of Electronic Technology

Аннотация. Обосновывается, что разноуровневое правовое регулирование – это гибкая и эффективная форма правового воздействия на общественные отношения. Показывается, что государственный и негосударственный уровни правового регулирования имеют свою специфику, сферу и цели регулирования, средства их достижения, а также основания самостоятельного осуществления правотворчества и первичного правового регулирования.

Abstract. It is substantiated that multi-level legal regulation is a flexible and effective form of legal influence on social relations. It is shown that the state and non-state levels of legal regulation have their own specifics, the scope and objectives of regulation, the means to achieve them, as well as the grounds for the independent implementation of law-making and primary legal regulation.

Ключевые слова: система права, правотворчество, правовые отношения, правовое воздействие, разноуровневое правовое регулирование, первичное правовое регулирование, виды уровней правового регулирования.

Keywords: system of law, lawmaking, legal relations, legal impact, multi-level legal regulation, primary legal regulation, types of levels of legal regulation.

Преобладающее в правовой науке представление о правовом регулировании как об одной из гибких и эффективных форм воздействия правовых средств на общественные отношения с целью их упорядочения, бесспорно, продолжает сохранять свою актуальность в современной теории права. Исходя из этого основное внимание сосредоточивается на государственно-правовом регулировании, поскольку государство использует правовое регулирование для выполнения своих функций, отражающих меру и объём выполнения возложенных на него обществом социальных задач.

В то же время актуализируются проблемы соотношения государственных функций и задач, решаемых легализованными негосударственными правосубъектными организациями и объединениями граждан, установления между ними баланса. Как показывает практика, чрезмерная государственно-правовая регламентация сдерживает правотворческую деятельность субъектов РФ, муниципальных образований, саморегулируемых организаций, а чрезмерная «автономизация» правового регулирования, осуществляемая названными субъектами, ведёт к диспропорциям в социально-экономической сфере, дезинтеграции социальных связей в регионах, муниципальных образованиях, снижению трудовой активности в саморегулируемых организациях, предприятиях и учреждениях.

Как нам представляется, в обобщённом виде к недостаткам в правовом регулировании можно отнести: неверный выбор предмета правового регулирования; ошибочное определение статусов субъектов государственного и негосударственного уровней правового регулирования; неумелое использование правовых норм; плохая обоснованность правовых решений в муниципальных образованиях; отсутствие механизма анализа правовых конфликтов, диагностики их предотвращения и устранения и др.

Как видим, чтобы развивать теорию и практику правового регулирования, дополнять её отдельные положения, существующего понимания такого феномена уже недостаточно. Как отмечает Ю.А. Тихомиров, не найдены чёткие критерии управления и правового регулирования в режимах централизации, децентрализации и деконцентрации. Продолжается поиск оптимальной меры государственного воздействия

на бизнес, позволяющего, с одной стороны, обеспечить его развитие, а с другой – исключить чрезмерную автономизацию хозяйствующих субъектов и децентрализацию правового регулирования, приводящую к дезинтеграции социальных связей¹².

В этом контексте просматривается позитивная роль федеральных законов «О промышленной политике в Российской Федерации»¹³, «О государственно-частном и муниципально-частном партнёрстве»¹⁴, ориентированных на гибкое сочетание государственного регулирования и самостоятельного правового регулирования субъектами РФ, муниципальными образованиями, саморегулируемыми организациями. Большие надежды возлагаются и на Федеральный закон «Об обеспечении качества государственного управления», установившем меры по снижению административных барьеров, уменьшению объёма отчётности и др.

Особое внимание уделяется обеспечению соотношения источников правового регулирования (Конституция РФ, федеральные законы, конституции и законы субъектов РФ, уставы, предписания муниципальных образований, саморегулируемых организаций и др.) и оснований принятия собственных правовых актов (прямые предписания Конституции РФ и законов; признание обязательности международных правовых норм; инициативная подготовка принятия акта в рамках компетенции указанных субъектов правового регулирования; материалы контрольно-надзорных органов и др.).

Чрезвычайно важными представляются также происходящие на мировом и внутринациональном правовом пространстве глобальные перемены, вызванные тотальной цифровизацией всех сфер общества, что резко актуализирует многие проблемы юридической науки. По темпам проникновения цифровизации во все сферы общества, в том числе в право, Россия оказалась «впереди планеты всей». Среди них можно выделить три приоритетных задачи: 1) *наделение* субъектов РФ правом осуществлять собственное правовое регулирование вне пределов ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; 2) *законодательное наделение* муниципальных образований полномочиями принимать нормы первичного правового

¹² См.: Тихомиров Ю.А. Государственно-правовое регулирование: основание и пределы // Журнал российского права. №9, 2017. С. 4.

¹³ О промышленной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (Дата обращения 19.10.2022).

¹⁴ О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (Дата обращения 28.12.2022).

регулируемая; 3) легализация правотворчества, осуществляемого негосударственными образованиями в лице саморегулируемых предприятий, организаций и учреждений, позволяющая им принимать предписания, имеющие признаки первичных норм правового регулирования.

Заостряя внимание на этих положениях, подчеркнём, что субъекты РФ, муниципальные образования и саморегулируемые организации и предприятия либо управомоченные их органы в процессе самостоятельного правотворчества принимают предписания, дополняющие федеральные законы. Их смысл состоит в том, чтобы в контексте индивидуализации прав и обязанностей в конкретных правоотношениях по собственной инициативе, за счёт региональных и муниципальных бюджетов, а также за счёт бюджетов саморегулируемых организаций принимать предписания, превышающие минимальные государственные стандарты и тем самым повышать уровень благосостояния граждан своих регионов, муниципальных образований, развивать трудовую активность работников саморегулируемых организаций, иных социальных сообществ, осуществлять благотворительную волонтёрскую и другую деятельность.

При этом акцентируем внимание на том, что сокращение предмета и объёма правового регулирования на федеральном уровне в пользу правотворчества и правового регулирования на уровнях субъектов РФ, муниципальных образований и локального правотворчества не противоречит системной организации национального законодательства, не несёт в себе потенциальную угрозу единству правового регулирования, авторитету воли законодателя. При этом возрастание удельного веса актов субъектов РФ, муниципальных образований и актов саморегулирования уменьшает потребность и в подзаконном правовом регулировании.

Подобные факторы в контексте развития теории правового регулирования, требуют новых подходов, позволяющих комплексно развивать потенциал регулятивных, интегративных и иных свойств права, за счёт вовлечения в правовое регулирование негосударственных правосубъектных организаций, различных социальных сообществ. Речь идёт уже не только о качестве принятых правотворческими органами

предписаний, содержащих нормы права. По мнению В.Д. Зорькина, В.М. Сырых и других авторов пришло время говорить о качестве урегулированных конкретных правоотношений, первооснову которых составляет качественное законодательство¹⁵. Как отмечают Председатель Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко при подведении итогов работы Совета Федерации за период осенней сессии 2021 года и Председатель Государственной Думы В.В. Володин при подведении итогов работы Государственной Думы VIII созыва¹⁶, задача принятия качественных федеральных законов в основном решается положительно. Об этом же говорится и в информационно-аналитических материалах о деятельности Совета Федерации в период с 10 января по 30 марта 2022 года¹⁷.

Следовательно, на первый план выдвигается задача повышения качества правового регулирования на той его стадии, когда происходит возникновение прав и обязанностей субъектов, осуществляется их реальный перевод в «практическую плоскость»¹⁸, т.е. когда осуществляются юридически значимые действия в соответствии с возникающими правами и обязанностями субъектов в конкретных (индивидуализированных) правоотношениях. В решении такой задачи важное место принадлежит разноуровневому правовому регулированию, суть которого составляют санкционированные государством *правомочия* на самостоятельное принятие первичных норм права и их реализацию в конкретных правоотношениях органами государственного и негосударственного уровней правового регулирования, посредством дополнения законов предписаниями, превышающими минимальные государственные стандарты получения гражданами материальных и духовных благ.

Под этим углом зрения представляется важным подчеркнуть, что, идея разноуровневого правового регулирования существенно дополняется посредством углублённого анализа *видов* уровней правового регулирования как их «внешних образов»¹⁹. При этом деление уровней правового регулирования на виды актуализирует вопросы: 1) об основаниях и источниках формирования норм первичного правового регулирования в процессе федерального, регионального, муниципального и легализованного

¹⁵ См.: Зорькин В.Д. Конституция живёт в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Российская газета. 2014. 18 декабря; Сырых В.М. Теория государства и права. М., 2012. С. 204.

¹⁶ Интервью Председателя ГД Вячеслава Володина / <http://duma.gov.ru/news/54228/> (Дата обращения 27.12.2022 г.).

¹⁷ Информационно-аналитические материалы о деятельности Совета Федерации в период с 10 января по 30 марта 2022 года /

http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_reports/134714/ (Дата обращения 27.12.2022 г.).

¹⁸ См.: Сырых В.М. Теория государства и права. М., 2012. С. 204-205.

¹⁹ Толковый словарь русского языка В.И. Даля слово «вид» определяет как внешний образ предмета, его наружность, каким он видится. «На вид хороший, да по виду не судят». Видоизменение – изменение по наружности. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 123-124.

негосударственного правотворчества, их структурирования по видам уровней правового регулирования; 2) о роли уровней правового регулирования в сохранении единства разноразрядного правового регулирования, обеспечении единообразия регулятивной практики, внутриуровневой и межуровневой взаимосогласованности; 3) о гарантиях исполнения прав и обязанностей в конкретных правоотношениях; 4) о диспозитивных и поощрительных методах достижения правового равенства на различных уровнях правового регулирования.

Представляется, что раскрытие названных вопросов может внести определённый вклад в разработку концепции разноразрядного правового регулирования и, соответственно, в развитие теории и практики внутринациональной системы российского права. Так, выделение видов уровней правового регулирования позволяет: глубже разобраться в правовых явлениях и процессах; определить характер тенденций развития системы российского права; расширить сферы правового регулирования; шире использовать в негосударственном правовом регулировании недооценённые источники права – традиции и обычаи. В этом контексте Ю.А. Тихомиров говорит об «увеличении многослойности правового регулирования»²⁰.

С этих позиций можно выделить и обосновать принципиально важные положения, касающиеся уровней правового регулирования.

1. Государственный уровень первичного правового регулирования включает два вида законодательного правового регулирования: 1) федеральный; 2) региональный, поскольку модель закона предполагает формирование различных видов и уровней законодательного регулирования общественных отношений. При этом в законодательном уровне выделяются в качестве самостоятельных публично-правовой и частно-правовой виды правового регулирования и определяются пропорции между государственным и негосударственным уровнями первичного правового регулирования.

2. Негосударственный уровень правового регулирования, также как и государственный, включает два самостоятельных вида первичного регулирования: 1) первичное регулирование, осуществляемое муниципальными образованиями; 2) первичное регулирование, осуществляемое саморегулируемыми коммерческими и некоммерческими организациями, иными социальными сообществами.

Общим признаком государственного и негосударственного уровней первичного правового регулирования выступает то, что такие уровни

образуются, благодаря нормам первичного правового регулирования. Последние дополняются и конкретизируются нормами вторичного (вспомогательного) правового регулирования, принимаемыми федеральными, региональными, муниципальными и саморегулируемыми органами исполнительной власти.

Нормы первичного правового регулирования, как первооснова образования всех уровней правового регулирования, *во-первых*, закрепляют и регулируют вопросы общефедерального, регионального, муниципального и локального значения. При этом нормы федеральных и региональных законов, закрепляющие вопросы, соответственно, общефедерального и регионального значения, как правило, конкретизируются соответствующими органами исполнительной власти. В то же время они могут органично дополняться (при наличии бюджетных средств и собственной инициативы) нормами первичного регулирования муниципальных образований, саморегулируемых организаций, иных социальных сообществ. Благодаря этому обеспечивается перевод прав и обязанностей субъектов в практическую плоскость, усиливаются гарантии их исполнения, балансируются федеральные, региональные и муниципальные интересы, удовлетворяются специальные (индивидуальные) интересы различных социальных сообществ. *Во-вторых*, обеспечивается единство правового регулирования, слаженность взаимодействия и взаимосогласованность каждого уровня правового регулирования. *В-третьих*, достигается правовое равенство, снижается социальное неравенство в регионе, муниципальном образовании, социальном сообществе, трудовом коллективе и в обществе в целом.

В связи с вовлечением в самостоятельное правотворчество и правовое регулирование субъектов РФ, муниципальных образований, саморегулируемых организаций и др. вполне резонно, что идея разноразрядного правового регулирования предполагает сосредоточить внимание не только на императивных методах правового регулирования, основанных на субординации, запретах и наказаниях (без которых, безусловно, не обойтись). С нашей точки зрения, деление уровней правового регулирования на негосударственные виды может способствовать осуществлению позитивной индивидуализации прав и обязанностей субъектов, их реализации в конкретных правоотношениях, ориентируясь на диспозитивные и поощрительные методы обеспечения равноправия в правовом регулировании²¹. Например, названные методы могут стимулировать более широкое вовлечение

²⁰ Тихомиров Ю.А. Государственно-правовое регулирование: основание и пределы // Журнал российского права. №9, 2017. С. 4; См. также

Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование. Теория и практика. Формула права. М., 2010.

²¹ См.: Стимулы и ограничения в праве. Монография / Малько А.В. - М.: Юрист, 2003. Он

жителей муниципальных образований в местное самоуправление, мотивировать трудовую активность работников саморегулируемых организаций, а работодателей – на вознаграждение работников за достигнутые результаты, производственную инициативу, участие в благотворительной и иной деятельности. Благодаря этому, может обеспечиваться снижение социального неравенства, развитие принципа эквивалентности в правоотношениях и др.

Таким образом можно сделать следующие выводы.

1. Разноуровневое правовое регулирование представляет собой гибкую и эффективную модель правового воздействия на общественные отношения.

2. Деление государственного и негосударственного уровней правового регулирования на виды показывает, что каждый из них имеет свою специфику, сферу и цели регулирования, средства их достижения, а также основания самостоятельного осуществления правотворчества и первичного правового регулирования.

3. Находясь в состоянии единства с волей законодателя, каждый уровень правового регулирования определяется в качестве самостоятельного образования, способного интегрировать и индивидуализировать права и обязанности в конкретных правоотношениях, осуществлять прямые и обратные интегративные

связи, аккумулировать отечественную и международную практику.

Список литературы

Зорькин В.Д. Конституция живёт в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Российская газета. 2014. 18 декабря.

Малько А.В. Льготная и поощрительная правовая политика. Монография / Малько А.В. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004. - 233 с.

Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Монография / Малько А.В. - М.: Юрист, 2003. - 250 с.

Сырых В.М. Теория государства и права: Учебник для вузов. – 6 е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2012 – 704 с.

Тихомиров Ю.А. Государственно-правовое регулирование: основание и пределы // Журнал российского права. №9, 2017.

Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика / Тихомиров Ю.А. - М.: Формула права, 2010. - 400 с.

Толковый словарь русского языка В.И. Даля слово «вид» определяет как внешний образ предмета, его наружность, каким он видится. «На вид хороший, да по виду не судят». Видоизменение – изменение по наружности. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.

#9(85), 2022 часть 1
Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.
Периодичность: 12 номеров в год.
Формат - А4, цветная печать
Все статьи рецензируются
Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#9(85), 2022 part 1
Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.
Periodicity: 12 issues per year.
Format - A4, color printing
All articles are reviewed
Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

Давид Ковалик (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Питер Кларквуд (Университетский колледж Лондона)

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

Александр Клиmek (Польская академия наук)

Александр Роговский (Ягеллонский университет)

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

Бартош Мазуркевич (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

Миколай Жуковский (Варшавский университет)

Матеуш Маршалек (Ягеллонский университет)

Шимон Матысяк (Польская академия наук)

Михал Невядомский (Институт международных отношений)

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

Dawid Kowalik (Kracow University of Technology named Tadeusz Kościuszko)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dziedzic (Polish Academy of Sciences)

Alexander Klimek (Polish Academy of Sciences)

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko Cracow University of Technology)

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

Szymon Matysiak (Polish Academy of Sciences)

Michał Niewiadomski (Institute of International Relations)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>